AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞIMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 32 1-ci kânun — 1936 — декабрь № 32

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

CAVAN. İki Yol 2
ALI MIRZA. „Rusya'ya ermenisiz bir Ermenistan lâzımdır" 3
DOGUJ. Kafkasyada „Burjua milliyetçiliği" . 5
Azerbaycan, Şimalî Kafkasya, Gürcüstan, Türküstan ve Ukrayna mumessilleri tarafından Milletler, Cemiyeti 17-ci konseyi reisine takdim edilmiş muhtıra . . 10
Andre Jid'in Sovyetlerden dönüşü. . . 11
Uzak-Şarktaki Edil-Urallılar arasında. . . 12

ТЕБО КАРЦАТИ. „Retour de l'URSS . 12
ТАДЕУШ РАДВАНЬСКИЙ. Военный потенциал СССР и промотейская проблема. 15
Леон Василевский (некролог) . . . 17
ДОГУЖ. Еще о „коммунистах-националах" 18
А. КУНДУХ. „Сатана" или Sætanæ"? . . 20
М. Ч. Каверзные вопросы 24
К. Г. Знаменательный документ . . . 25
Протест Лиги „Прометей" 26
Kücük haberler— Хроника 27

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska 26 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska 26 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 32 — 1-ci KÂNUN — 1936 — ДЕКАБРЬ — № 32

Mamisson dağbelinin (Askerî-Osetin yolu) Şimaldan görünüşü.

Северный склон Мамиссонского перевала (Военно-Осетинская дорога).

İ K İ   Y O L

Şimalî Kafkasya'nın muhtelif kabilelerden ibaret oluşu, bizi degil yalnız ideoloji sahasına, filî iş, pratik teşkilat ve gerek şimdi ve gerekse ileride kurucu — devletî teşebbüs ve tedabir sahasına dahi şamil olan oldukca mudil ve mühim bir mes'ele kaşısında bulundurmaktadır.

Bütün bu sahalarda karşımıza iki yol çıkmaktadır: aceba biz, her iş ve hareketimizde muhtelif kabileli oluşumuz esasındanmı hareket edecegiz, yani bu ciheti müşterek bir hale getirerek derinleştirecegmiyiz yoksa, müşterek menşe ve kan bağlılıgile perkleşmiş bulunan hayatî, ruhî hususlardaki müşterek vasıflarımızı nazara alarak her yerde tek millî irade ve emeli müdafaa ederek kabile yahud milletlerin bir devletini değil, mudil olsa da tek bir milletin devletinimi yaratmağa çalışacağız?

Mecmuamız, intişarının ilk günlerinden itibaren bu mes'elede muayyen ve kat'i bir pozisyon almıştır. Ta bidayettenberi biz, şimalî kafkasya millî — siyasî tefekkürünün pratik teşebbüs ve iş esasi olmak üzre kabile taksimatı prensipini değil, hakıkî millî merkeziyetcilik esasını tervic etmişizdir. Şimalî Kafkasya millî mes'elesini hiç bir zaman, müşterek milli işin tahakkuku için taktik gayelerle birleşmiş ayrı ayrı kabile yahud milletlerin bir mes'elesi gibi telâkki etmemişizdir. Millî uyanışımız mes'elesi, bizim için her zaman kendi istiklâlini ve yaşamak hakkını elde etmege çalışan tek şimalî kafkasya milletinin mes'elesi olarak kalmıştır. Bu esas vaziyetimizi müteakiben mecmua sayfalarında tarvice çalışmış ve bu suretle bu esasın her şimalî kafkasya vatanseverinin ideolojisinin organik bir parçası haline gelmesine gayret etmişizdir.

Bu görüş ve tellâkkimiz şu derin kanaat ve şuurlu noktayi nazardan ileri gelmektedir: bize göre, ne şekilde olursa olsun kabileçilik esası Şimalî Kafkasya'da müsbet bir rol oynamamış ve bundan sonra da oynamaga müstaid degldir. Bu kabilecilik, gerek, şimalî kafkasya kabilelerine ayrı ayrılıkta ve gerekse Şimalî Kafkasya'ya bir kül halinde hiç bir fayda temin edemez. Şunu da kaydedelim ki, bizde dil ayrılığından başka, kabileçiligin mevcudiyetine hak verecek hiçbir sebeb ve âmil yoktur.

Yaşayış ve kültür sahasında bizi birleştiren cihetler, bize bütün halinde millî bir organizm ve kavmî bir grup şeklini veren amiller ne varsa hep ya şimalî kafkasya hakıkî hayatının ilk mahsuludur, yahud da hakim bir vaziyette olan İslamiyet gibi bize ta eski zamanlardan gelmiş ve o derece kuvvetle yayılarak kökleşe bilmişki, bunları hepimiz için ortaklı ruhî kıymetler diye kabul edebiliriz.

Buna mukabil, dilden başka, bizi şu ve ya bu şekilde ayıran, muhitimiz içerisinde her hangi bir merkezden kaçma gayretlerine gida ola bilecek ne varsa— hep yabancı ve yeni, ekseriyetle bugün müessir olan tesirlerin ve ruhî „benligimiz" sahasında vücude gelen yeni tabakalaşmanın mahsuludurki, bunları derinleştirmek Şimalî Kafkasya millî idesinin açılmasına kat'iyen yardım edemez.

Kabile taksimatı işi bizde ancak bu sonradan gelme tesirler ve unsurlar zemini üzerinde işlene bilir Eger—sağlam düşünce ve mantık hilafına olarak—şimalî kafkasya millî tefekkürü günün birinde bu tesirlere hakıkî bir kuvvet atf edecek olursa, bu takdirde maruz kalacağımız parçalanmanın ne derecede vahim olacağını tahmin etmek zor olmasa gerek.

Kabile ayrılığı fikrini (kabilelerin müstakıl Şimalî Kafkasya hudutları dahilinde federasyon esası üzerine birleşmeleri şeklinde olsa dahi) mantikî neticesine kadar inkişaf ettirmekle biz bolşevizm tecrübesini tekrar ederek, ister istemez onlarca kabilelerle karşılaşmış bulunacağız. Çünkü her dil grupu (yalnız Dağıstan'da 7 esas lehce mevcuddur) kendisini ayrı bir kabile saymak hakkında bulunacak ve bu esastan gelerek federal müesseselerde mümessillık talebinde bulunacaktır. Eger, şimalî kafkasya siyasî reculu arasında federal hayallerin tahakkukunu istiyenler varsa, böylelerine haber verelimki, sovyet hükûmeti bizde hiç bir vakıt ve hiç kimseye belli olmiyan, „auhov milletı„nam yeni bir „millet" keşf etmek marifetini göstermiş, hatta bu yeni „millet" için geçen sene alfabe bile vücude getirmiştir. Bizim şeraitte kabile taksimatı ayni zamanda ruhî, fikrî ayrılık ve taksimatı da ifade etmektedir. Bu da hiç şüphesiz netice itibarile millî kuvvetimizin, millî emellerin dinamik kudretinin zafiyete ugramasından başka bir şey degildir. Rus emperyalizmi tarafından kendi menafiî bakımından yapılan şeyi, biz de rusların Şımalî Kafkasya'daki emellerine bir antitez olmak üzre, kendi faydamız bakımından yapmalıyız. Ezelî ve ebedî düşmanlarımızın parçalama ve bölme zihniyet ve işlerine karşı birlik ve tesanüd hamlesile ve bütün Şimalî Kafkasya'nın tek millî iradesile çıkmalıyız.

Muhtelif kabileli oluşumuz keyfiyeti bu günkü vaziyette ancak bunun mahellerde, millî kütlemiz arasındaki aktif millî iş teknikinde haiz olduğu ehemmiyet derecesi nisbetinde nazari itibare alına bilir. Bellî bir şeydirki, Çeçenistanda bir çeçen, Osetiyada—Osetin v. s. çalışmalıdır. Bittab eger buna imkân yoksa, işi (malûm sebeb dolayisile belki daha az müsmir şekilde) şu ve ya bu millî teşkilatın tayin edecegi her vatansever yürütmelidir.

Müstakıl hayet şeraitinde ise kabile çokluğu keyfiyetinin ehemmiyetsiz bir rolu olmalıdır. Bu rolu da şimalî kafkasya kabilelerinden her birinin kendi dilini muhafaza yani filen kendi dilinde mektebe malik olması ve imkân nisbetinde bu ana dilden devlet müesseselerinde istifade etmesi şeklinde tasavvur ediyoruz. Diger tabirle, bizim parçalanmamız dil husus undaki muayyen muhtariyetten yani kültür muhtariyetinden ileri gitmemelidir.

Kabile ayrılığına göre (yani dil ayrılığı prensipi üzerine ayrılık, çünkü bu vaziyette başka ölçü olamaz) erazi muhtariyeti yahud federasyon prensipi bizce tahakkuku imkânsız bir şeydir. Çünkü, işaret ettigimiz vechile, bu prensipi kabul ettigimiz takdirde parçalanma hududumuzu tayin etmek çok zordur.

Bugünkü status qua—Şimalî Kafkasya hudutları dahilinde bugün mevcud olan „muhtar" cumhuriyet ve

eyaletlerin mevcudiyeti keyfiyetinden hareket ettigimiz zaman bile federasyon ve ya muhtariyet prensipini tatbik etmek kabil degildir. Çünkü, evvela, bunlar kendi ölçüsü, nüfusunun mıktarı ve iktisadî vaz'iyeti itibarile muhtelif olduğu için bugünkü vaziyetlerile aynen muhafazaları makul bir devlet kuruculuk işimize engel ola bilir. Saniyen, bunlar millî hudutlarımızı temamen ihate etmiyorlar. Hududumuzun mühim bir kısmi bugünkü „muhtariyetler“ haricinde bulunmaktadır.

Bu kısımda büyük demografik degişiklikler hüsule gelmelidir. Çünkü, hiç şüphesiz bir taraftan gelme anasirin muayyen bir kısmı müstakil Şimalî Kafkasya'da kalmak istemiyecek (bunun misalini Latviya'da görmekteyiz. İstiklâl ilânından sonra 500 binden fazla rus Latviya'yi terk etmiştir), diger taraftan da buralarda mevcud boş eraziye temamen dolmuş bulunan „millî muhtariyet„lerin fazla nufusu, ayni zamanda şimdi bile vatana dönmek arzusunu izhar eden bizim eski muhacirler yerleştirilmelidir. Bu şeraitte kabileye göre erazi muhtariyeti prensipinin tahakkuk ve tatbiki daha fazla karışık bir şekil almış olacaktır.

Eger, federasyon, yahud muhtariyet prensipi ağır basarsa, bize göre bunun tatbikine ancak erazi—idarî cüzi tamların hudud ve şekli dahilinde cevaz verile bilir. Yani, başka tabirle, taksimat esasi olarak bir kabile ayrılığını ve pek şüpheli bir tarihî esasa dayanan şimdiki „status quo“ yi (çarlık devrinin kaza ve eyaletleri, sovyet devrinin de „muhtar“ cumhuriyet ve eyaletleri) değil, makul devlet kuruluşu (her şeyden evvel iktisad ve elverişli idare bakımından) bakımından muvafık olan cumhuriyetleri muayyen derecede muhtariyetten istifade ede bilecek ayrı ayrı vilayetlere bölmak esasını kabul etmeliyiz. Bu suretle devlet kuruluşumuz az çok bize muvafık bir şekil almış olacaktır. Bu şekil de Şimalî—Amerika federasyonu yahud İsviçre devlet kuruluşuna benziyecektir ki, buralarda kabilelerin muhtelif olmasına bakmıyarak kabile değil kanton prensipi hâkimdir.

Müstakbel devlet kuruluşu mes'elemizi gözden geçirirken ve kurtuluşumuza taalluk eden cari işlerin esaslarını tesbit ederken, hiç bir zaman unutmamalıyızki, gerek geçmişde ve gerekse şimdi, bizim kabile ayrılığımız düşmanımızın elinde daima bir provakasyon silahi olmuş ve düşman bu silahla bizi ayırmak ve zayif düşürmek maksadını güdmüştür. Bu hakıkatı iyice bellersek, hiç kimse ve hiç bir şey bizim vahdetimizi, millî birligimizin esaslarını parçalıyamaz ve kabile farkı üzerine federasyon esasını tervic edenlerin ileri sürdükleri ehemmiyetsiz kabile fark ve ayrılıkları kimsenin aklından geçmez.

Ali Mirza

„Rusya'ya ermenisiz bir Ermenistan lâzımdır“

Çarlık hakimiyetinin son ve sondan evvelki devir rus diplomatlarından maruf kn Lobanov-Rostovski, vaktile ermeni mes'elesi hususunda şunu yazmıştı: „Rusya'ya ermenisiz bir Ermenistan lâzımdır.“ Bu cümle haddi zatında rus hükûmet devairi ve efkâri umûmiyesinde hâkim haleti ruhiyeyi dahi ifade etmektedir.

Ermeniler ve ermeni mes'elesi, hiç bir zaman rus hükûmet ve içtimaî mehafilinin sempatisini kazanmamıştır. Eski Rusya, ermenilerle, ancak çar hükûmeti tarafından Yakın Şark—herşeyden evvel gittikce daha ziyade zayif düşen sultan emperatorluğu aleyhine müteveccih siyasî oyuna ermenilerin hizmet derecesine göre alâkadar olmuştur. Ermeni siyasî tefek kürünün başcıları, ermeni mes'elesini sultan türkiyesı dahilinde sün'i olarak keskinleştirmek suretile, Rusya'nın Küçük Asya'daki emperyalistce emellerinin tahakkukuna yardım etmiş ve rus hükûmetinin son on yıllarda hemen hemen türk ermenilerinin menafiini müdafaa maskesi altında İstanbulda yürüttüğü diplomatik talebler için yeni zemin yaratmıştır.

Bununla beraber, Rusya'nın asıl niyeti ermeni siyasîlerinin rus yardımına bağladıkları ümidden çok uzak idi. Ayni suretle bu asıl niyetin, resmî hükûmet devairinde ermenilere verilen vaidlerle de hiç bir münasebeti yok idi.

Bu cihet, bilhassa harbi umumi sıralarında yani ermeni siyasî emellerinin tahakkuk etmesi imkânı ihtimal dahilinde olduğu zaman daha bariz bir şekilde kendini göstermiştir. Avrupa'daki ermeni delegasyonu (dr. Zavriyev v. s.) rus hariciye nezaretinin vaidlerine ve II ci Nikola'nın beyanatlarına dayanarak kendi programının gerçekleşmesi için kat'i teşebbüslerde bulunurken, hariciye nazırı Sazonov da Paris ve Londra'daki siyasî mümessillerine şunları yazıyordu: „ermenilerle mülakat temamen akademik bir mahiyette olmuş ve Zavriyev'e muayyen hiç bir program gösterilmemiştir.“ Diger tabirle, Sazonov ermenilere vermiş olduğu vaidlerinden vaz geçmiş ve kendi mümessillerine ermenilere ehemmiyet vermemelerini haber vermiştir.

Rusya'nın hakıkî niyeti ise Lobanov-Rostovski'nin şiarından ibaret idi: „Rusya'ya ermenisiz bir Ermenistan lâzımdır.“ Firat kazaklığı yaratmak hususundaki proje, hele gen. Yudeniç'in, o zamanki Kafkasya naibi gr. Voronsof-Daşkof namina yazdığı rapor (5 Nisan 1915) bu ciheti açıkca göstermektedir. Bu raporda şunları okuyoruz:

„Ermeniler, kürd ve türkler tarafından terk edilmiş eraziyi işlemek için buralara ermeni-kaçkınlarını yerleştirmek niyetindedirler. Bu düşüncenin tahakkukunu imkânsız görüyorum. Çünkü ermeniler tarafından ele geçirilmiş eraziyi harbten sonra geri almak yahud ele geçirdikleri erazinin kendilerine aid olmadığını isbat etmek çok zor olacaktır. Binaenaleyh, hududa yakın yerlere rus unsurlarının yerleştirilmesini son derecede muvafık buluyorum. Alaşkert, Diadin, Bayazid rus emperatorluğuna dahil olduktan sonra, bu yerlere Kuban ve Don'dan gelecek muhacirleri yerleştirmek ve bu suretle bir hudud kazaklığı vücude getirmek lâzımdır.“

Bütün bu mülahazalara Voronsof-Daşkof tam bir muvafakat göstermiştir. İstilâ edilmiş türk vilayetle-

rinde rus askerî hakimiyeti de hep bu fikrin tahakkuku ile uğraşmıştır.

Şöyleki, 1916—nın bidayetinde Erzrum rus ordusu tarafından işgal edildiği zaman, rusların ilk emri şu olmuştu: „Ermeniler Erzrum'da yerleşmek hakkında degillerdir."

Rusların ermeni mes'elesindeki noktayi nazarlarını tevile ve tafsire ihtiyac göstermiyecek şekilde gen. Oganovski bildirmiştir. Generalin, 5 Şubat 1915 de Tiflis'de vuku bulan bütünermenilerin kongrasında dahi tekrar edilen sözleri şudur:

„Bizim (yani Rusya'nın — A. M.) gayesi şudur: harb sonunda ermenileri derhal ve çabuk terki silah etmek imkânını hazırlamak. Çünkü, sulh konfransı zamanında onların isyan edebilimeleri ve konfransın da bu vak'a ile hesablaşmak mecburiyetinde kalması tehlikesi vardır. Bu da hiç şüphesiz Rusya'nın menafiî hilafına bir şey olurdu. Rus hükûmeti, Şarktaki tarihî siyaset ve misyonunu unutmuş değildir. (yani „boğazlar" ın işgalı ve Küçük Asya'da hakim olmak — A. M). Rus hükûmeti ermenilerin, muhtar Ermenistan hakkındaki hayal ve arzularına değil, rus devletinin menafiine hizmet ediyor. Türkiye ermenistanında ermenilerin nisbet itibarile azlıkta kalmaları rus hükûmetinin arzu ettiği bir şeydir. Ermeniler kendi düşüncelerini ve görüşlerini degişmelidirler. Onlar muhtar Ermenistan için değil, bir rus emperatorluğu vatandaşı sıfatile harb ettiklerini alenen söylemeli ve bunu işle göstermelidirler.. Aksi takdirde, muhtariyet emeli onlara pek pahalıya mal ola bilir ve devlet gözünde emperatorluk vatandaşlığını kayb edebilirler.."

Rusya'nın ermeni mes'elesindeki egoistce emelleri ermeni siyasîlerince belli bir şeydir Buna rağmen, Rus oriyentasyonunu bugüne kadar hiç degişmeden muhafaza etmektedirler. Bunun neticesi olarak, ermeniler harb yıllarında esasen Rusya'nın Küçük Asya'da emperyalist emellerine kurban olmakla kendi tarihlerinin en feci bir devrini yaşamışlardır.

Yalnız bu kadar değil, „büyük Ermenistan" hayali bir daha doğrulamiyacak kadar bir darbe yedikten sonra müstakil ermenistan devletcilik fikrinin kafkasya'nın mahdud çerçivesi dahilinde kalmakla iktifa etmesi lâzım geldigi zamanda bile Rusya'ya daynmak gibi tehlikeli zihniyet, ermeni siyasîleri arasında hâkim vaziyetini muhafaza etmiştir.

Bir taraftan ermeni hükûmetinin mümessilleri Dro ve Terteryan, diger taraftan da R. S. F. S. R. in Ermeni Cumhuriyeti nezdindeki siyasî mümessili Legran tarafından 1920-nin 2 İlk Kânun'unda imza edilen muahede, işte bu zihniyetin mahsulu olarak yapılmıştır. Bu muahedeye göre, Ermenistan „müstakil sosyalist cumhuriyeti" olarak ilân edilmiş, filen ise bolşevik Rusya'sına tâbi bir vaziyete girmiştir.

Bu suretle, Ermenistan, ın istiklâlini kaybedişi haddi zatında, o zamanki ermeni hükûmetinin gönüllü olarak istiklâlından vaz geçişile olmuştur. Millî mevcudiyetten gönüllü olarak vaz geçişin ruhunu nüfuzlu „ramkavar" fırkasının mümessilleri kendi beyanatlarında izah etmektedirler. Sovyet muharrirlerinden Miyasnikof'un kitabına („Hariçte ermeni siyasî fırkaları". „Sov. Kafkasya" neş. Tiflis. 1925) aldığı bu beyanatta deniliyor ki:

„Ne 1918 in 28 Mayıs'ında istiklâli ilân edilen Ermenistan ve ne de 1920-nin İkinci Teşrin' inden itibaren „istiklâli" na „tecavüz" edilmiş sayılan şimdiki Ermenistan, hiç bir zaman iktisaden müstakil olmamışlardır. Mütarekeyi müteakib, Ermenistan „istiklâli" için hâmi—devlet aranması iyice gösteriyor ki hemen hemen bütün ermeni halkı ve bununla beraber şimdiki Ermenistan aleyhdarları ülke ve devletimizin, temamen ayrı, müstakıl idaresi için icab eden esaslardan mahrum olduğuna kani bulunmuşlar ve bu kanaatten gelerek her şeyden evvel nefislerini müdafaa işini temin ve ancak bundan sonra ülkenin iktisadî inkişafını düşünmek için bir çok hususlarda istiklâllerinden fedakârlıkta bulunmak mecburiyetinde kalmışlardır."

„Buna mukabil, „uzak Amerika, zayif ve küçük Danimarka" yerine kuvvetli ve muktedir Sovyetler İttihadı, bugün bizimledir. Bu suretle biz yabancı bir himaye altında değil, belki iktisadî, siyasî haklarda temamen müsavî bir müttefikle bağlı bir vaziyetteyiz. Bu müttefik kuvvetin bizim hududlarda bulunuşu kaderin bize göndermiş olduğu bir müdafaa kuvvetidir. Hatta, Ermenistan'ın şimdiki vaziyetini bir kölelik adedenler bile („Daşnaklar" kasdediliyor — A. M.), son zamanlarda iftiharla şu beyanatta bulunuyorlardır: „II-ci enternasyonala müracaatte bulunduk ve onlardan rica ettik ki bolşeviklerden Gürcüstan'ı temizlemelerini taleb ederken, Ermenistan'ın hariçten gelecek her hangi bir taarrüzden müdafaası için rus ordusunu Ermenistanda bırakmasını Rusya'dan rica etsin."

Yani, görüldüğü vechile, eskide olduğu gibi ermeniler ayni pozisyon üzerinde israrla durmaktadırlar. Öyle bir pozisyon ki, değil ermenilerin „müdafaayi nefsini" temin etmege, bilakis ermeni milletinin mühim bir kısmının imhasına yaramıştır.

„Daşnaklar", ermeni fırkaları içerisinde bayaz „millî" ve „demokratik" Rusya'ya dayanmak ideolojisını temsil ediyorsa, ehemmiyeti itibarile ikinci ermeni fırkası sayılan „ramkavar" lar da son zamanlara kadar kızıl Rusya'ya, „büyük ve muktedir Sovyetler İttihadı" na dayanmak ideolojısının mümessilleri olmuşlardır. „Ramkavar" ların sovyetsevenlik zihniyetleri bilhassa 1935 de yani bu fırka liderlerinden Çobanyan'ın Erivanı ziyareti sıralarında kuvvet göstermiştir.

Fakat, „ramkavar" larla münasebette olmak ve onların talimatile hareket etmek cürmile itham edilen Hancyan'ın intiharı ve bu intiharı müteakib Ermenistanda başliyan şiddetli takıbat ve tazyiklerin, „ramkavar" lara gerek bayaz ve gerekse kızıl, hangisi olursa olsun alelumum Rusya'ya besledikleri ümidin pek te memnuniyetbahş olmadığını göstermesi icab eder. Fakat, şunu da ilave etmek lazımdır ki, bayaz Rusya'ya ümid bağlıyan „Daşnaklar" bundan daha fena bir inkisari hayale uğradıktan sonra bile gene Rusya'ya dayanmak zihniyetlerinden vaz geçmiş degillerdir.

Muhaciretteki ermeni siyasî tefekkürü başcıları ermeni milletinin feci akıbeti neticesinde ortaya çıkan basit bir hakikatı bir türlü görmek ve anlamak iste miyorlar. Bu hakıkat de şudur:

„Ermenilerin istikbali Kafkasya ve Kafkasyalı milletlerin mukadderatlarile sıkı sıkıya bağlıdır ve „Rusya'ya ancak ermenisiz bir Ermenistan lâzımdır."

Kafkasyada „Burjua milliyetçiliği"

Bu yıl Haziran ayında ilân olunan SSSRin yeni konstitusyon projesi komünist muvaffakiyetlerini, bilhassa millî siyaset sahasında elde ettiklerini reklam etmek için sovyet matbuatına yeni fırsat vermiş oldu. Kafkasyada bu çıkışların asil motifleri, yerli milletler arasında milliyetçiliğin temamile imha edilib sovyet ideolojisinin benimsenmiş olduğu ve yakın geçmişteki isiklâl devrinde başlıca rol oynayan milliyetçi partilerin nüfuzlarından eser kalmamış olduğu idi. Şu kadar söylemek kâfidir, ki yeni konstitusyon projesinin feshini tasavvur ettiği Maverayi Kafkasya federasyonu dahi „menşeviklerin, taşnakların ve müsavatçıların ihtilâl aleyhindeki faaliyetleri için zeminin bolşevikler tarafından kökünden likvide edilmiş olduğu" için parçalanıyordu. Yeni konstitusyon hakkındaki hususî bir makalesinde Lavrenti Beria böyle iddea etmekte idi.

Fakat, Ermenistan komünist partisi kâtibi Hancıyanın Temmuzda vaki olan intiharı bu ögünmenin ahengini bozdu. Daha o zaman anlaşılmıştı, ki Moskva ile Maverayi Kafkasya federasyonuna dahil cumhuriyetler arasında varlığı iddea olunan ideal münasebat hakikattan çok uzaktır. Intihardan sonra sovyet matbuatında çıkan gayri vazih beyanattan, „menşevik, taşnak ve müsavatçıların ihtilâl aleyhindeki faaliyetleri için zeminin likvide edilmiş olduğu" iddeasının dahi doğru olmadığı anlaşılmıştır. Bir sözle, Kafkasyada milliyetçi hareketin yalnız varlığı değil, inkişaf etmekte olduğu ve, bir çok „temizlikler" geçirmiş olan, binaenaleyh emniyetli olmaları icab eden komünist rehber kadrosuna dahi nüfuz etmeğe başladığı meydana çıkmıştır.

Bu vaz'iyet, Zinovyef ve arkadaşlarının muhakemesinden sonra, SSSR de başlıyan umumî arama ve tarama esnasinde temamile isbat edilmiş oldu. Sovyet rejiminin muhayyel ve hakikî düşmanlarına karşı açılan terror seferinin şiarı Kafkasyada „burjua millyetçiliğile savaş" tan ibaret olmuştur. Bu vaz'iyet Şimalî Kafkasyada bilhassa kaydolunmuştu. Burada „ifşa" seferi bir aydan fazla devam etmiştir ve „Pravda" gazetesinde (17-9-36) „Bolşevık uyanıklığı ve canfedalık gösteren ahmaklar hakkında" makalesi çıktığı zaman bile bitmiş değildi. Malum olduğu üzre bu makale fazla ileri giden komünistler hakkında idi. Anlaşılan Şimalî Kafkasyanın „burjua milliyetçileri" (ki ekseren komünist partisi azalerinden ibarettir) aleyhindeki ithamın kuvvetli bir kökü olmuştur.

„Burjua milliyetçilerinin, faaliyetini, SSSR komünist partisinin Şimalî Kafkasya ölke komitesi ikinci kâtibi Riyabokon izah etmiştir. Parti aktiflerinin Psıhuabo'da Eylûlün 20 nde, yâni „Pravda" nın yukarıda adı geçen makalesi çıktıktan sonra vaki olan toplantılarında Riyabokon demiştir, ki:

„Parti ve memleket düşmanlarımızın pışdarı olan Trotski-zinovyef kontrrevolusionerleri b u r j u a m i l l i y e t ç i l e r i l e b i r l e ş m i ş l e r d i r. Şimdi bir çok delillerle, trotski zinovyef cephesindeki banditlerle burjua milliyetçiliği cephesindeki banditlerin birleşmiş olduklarını isbat etmek artık çok kolaydır." (Şimalî Kafkasya bolşeviki" 25-9-1936).

İlk misal olarak Riyabokon burada Petka Tabolof (Taboltı Petka) adında birisini zikrediyor. Bu adam ayni zamanda „burjua milliyetçiliğile" „trotskizmi" kendisinde birleştiriyormuş.

Riyabokon devam ediyor:

„Biz, partimizin en amansız düşmanı olub son günlere kadar Pravoberejni nahiyesi parti komitesi kâtibi (Şimalî Osetiyada) Tabolof Petkayi ifşa ve partiden ihraç ettik. Elimize onun gündelik hatırat defteri geçti*).

Bu alçagın yazdıkları üzerinde durmağa vaktım yoktur. Yalnız şu kadar diye birim, ki bu defterde Trotski göklere yükseltiliyor ve ayni zamanda her satır bu namussuzun burjua milliyetçiliğini ifşa etmektedir.

Petka Tabolofun şahsında trotskizm ile burjua milliyetçiliği şayani dikkat bir şekilde birleşmiş ve kaynaşmıştır."

Bundan sonra Riyabokon „Rastdzinad" gazetesinin sabık müdürü Sarmat Kossirati'yi hatırlatarak diyor, ki:

„Veyahud başka bir tip, Osetince gazetenin sabık müdürü Kossirati dahi trotskistir. Kossiratinin meşhur burjua milliyetçi Gappo Bayefle münasebette olduğu ve Berlinden talimat aldığı isbat edilmiştir."

Muhacirette çok faydalı faaliyetini devam ettiren, Berlin universitesinde ilimle meşğul muhterem Gappo'nun, Kossirati ile yazışırken (eğer böyle bir yazışma olmuşsa) yazdıklarının, Sovyetlerdeki „mevcud rejimi devirmek" için bir talimat telakki edilecegini aklinden bile geçirmemiş olduğuna kaniyiz. Bilhassa ki, görüldüğü gibi yazışma açık ve posta vasıtasile ceryan etmiş ve şüphe yoktur, ki sovyet sansorundan geçmiştir. Bize göre bütün bu yazışma tarihi Sarmat Kossiratinin „ihtilâl aleyhdarı mahiyetini" bir az daha kuvvetle kabartmak maksadile uydurulmuştur. Bunun için de Berlinde, Gestapo ile bir şehirde oturan „meşhur burjua milliyetçisi" ile yazışmadan istifade edilmiştir. İlave etmeliyiz, ki Sovyet „ifşaatçıları" Gappo Bayatı'nın aktif siyasetle meşğul olmadığını, kendisini temamile ictimaî ve ilmî işlere vermiş olduğunu bilmez değillerdir.

Riyabokon sözünde devamla kaydediyor, ki:

„Yoklama ve parti vesikalarını değiştirme esnasinde ve ondan sonra Trotski-Zinovyef terrorist merkezinin muhakemesi münasebetile Osetiyada biz partiden bir çok parti düşmanı ikiyüzlüler attık. Atılanlar sırasında nahiye parti komitelerinin kâtibleri dahi vardır, o cümleden Pravoberejni nahiye komitesi kâtibi Petka Tabolof, Dağlık-Alagir nahiye komitesi kâtibi Bogdayef (Bigdati Sadulla — D.) dahi atılmışlardır.

Bütün bunlar tesadüfî degillerdir. Ş i m a l î O s e t i y a p a r t i t e ş k i l a t ı n d a o n y ı l d a n

*) Aceba, Tabolofun defteri Riybokonun eline nasıl geçti ve bu hal, SSSR vatandaşlarına bir çok „hürriyetler" bahşeden yeni konstitusyonla nekadar uygundur?

fazla bir müddet zarfında ihtilâl aleyhdari trotskist ve burjua milliyetçi teşkilatı kurulmakta olduğu artık bütün teferrüatile aydınlaşmıştır. Bu teşkilatın başında kimseye mechul olmayan bandit Mansurof duruyordu.*) (seyrekleştirme her yerde bizimdir — D). Hemin bu Mansurof parti teşkilatını ellerine almış olanlardan etrafında bir grup birleştirmiş; bu grup partide iken parti aleyhinde çalışmışdır. Bu vaz'iyet Şimalî Osetiya komitesini idare edenlerin çürük liberalizminden doğmuştu. Bu rehber kadrosunun çürük liberalizm siyaseti neticesinde Mansurofun idare ettigi trotski-zinovyef ve burjua — milliyetçi unsurlar şimdiye kadar Şimalî Osetiyada imha edilmeden kalmışlardır. Hali hazırda Şimalî Osetiya parti komitesinde, eski rehber heyeti degiştikten ve kâtib olarak Maurer gönderildikten sonra Şimalî Osetiyadaki ihtilâl aleyhdarı Mansurçılıgin ifşa ve imhasına şuru edilmiştir."

Bundan sonra Riyabokon Dağıstana geçerek diyor, ki:

Dağıstan dahi ölke parti komitesinin ve bütün Şimalî Kafkasya parti teşkilatının dikkatlı nazarından istifade etmelidir. Dağıstanda trotski-zinovyef banditlerile burjua — milliyetçi unsurların birleştiğini iddea etmek için çok ciddî sebebler vardır. Bu birleşmeyi meydana çıkarmak için yüksek derecede uyanıklık ve esaslı faaliyet lâzımdır. Dağıstan parti komitesine karşı fevkalâde bir uyanıklık ve dikkat lüzumuna bir de ona göre ihtiyac var, ki Dağıstan parti komitesi vaktile parti düşmanlarına karşı çürük liberalizm siyaseti ile yaklaşıyordu.

Bu parti düşmanları yalnız Mahac-Kala şehir komitesine ve Dağıstan eyalet komitesine girmekle kalmayıb en mes'ul parti işlerine dahi celbedilmişlerdi. Ölke komitesi bu vaz'iyete Dağıstan komitesinin nazarı dikkatını ciddiyetle celbetmek mecburiyetinde kalmıştı. Parti düşmanlarile savaş mes'elesindeki zaifliği likvide etmek işinde de ölke komitesi Dağıstan komitesine yardım etti. Ölke komitesi Dağıstan komitesine, parti düşmanlarını, her bolşevik teşkilatından taleb edilen bir sür'atle meydana çıkarmak işini tanzim etmekte dahi yardım gösterdi."

Riyabokonu Suyunc Kaladaki vaz'iyet dahi çok endişeye salmaktadır.

Diyor, ki:

„Ölkemizin çok mühim merkezi olan Grozni dahi dikkatımızı çekmelidir. Ölkemizin bu noktasında bilhassa hassas olmamızı taleb eden bir hadiseye işaret etmiştim.

Tekrar ediyorum: Grozni de adam akıllı bolşevik uyanıklığını daha teşkil edemedik ve bunu teşkil etmeliyiz."

„Trotski—Zinovyef ve burjua—milliyetçi gizli komitelerinin" faaliyetini tenvir ettikten sonra maruzaçı bunlarla mücadele için bu tedbirleri teklif etmektedir:

„Evelâ, liberalizme kapılmamalı, çürük liberalizmi baltalamalıdır.

İkinci: parti teşkilatımız bolşeviklerine tehlike yoktur zihniyetine kapılmak imkânını vermemek lâzımdır, trotskist—terrorist merkezi imha edilmekle tehlikenin ortadan kalktığı gibi parti aleyhindeki bir ruh haletine meydan vermemelidir.

Üçüncü: Trotski—Zinovyef banditlerinin bütün irtibatlarını, o cümleden olarak eski sag, „sol" v. s. anti parti gruplarla alakaları dikkat ve israrla ifşa edilmelidir. Çünkü bütün bu unsurların trotskist-zinovyefçi unsurlarla birleştiği malumdur.

Dördüncü: trotskistlerin müttefiki olan ve onlarla açıktan açığa birleşmiş bulunan burjua milliyetçileri darmadağın etmek lâzımdır.

Beşinci: Bu savaşta her türlü egintiye ve ufak burjua panikçiligine karşı seferber hale gelmelidir."

SSSR komünist partisinin Şimalî Kafkasya Ölke komitesi ikinci kâtibi Şimalî Kafkasyadaki vaz'iyeti işte böyle tasvir etmektedir. Megerse, hâkim rejimin başlıca duşmanlarından biri olarak kalmakta devam eden „burjua milliyetçiliği" millî komünist denen yerli bolşevikler arasından bollu mahsul toplamakta imiş. İstifade ettiğimiz maruzada Riyabokonun Şimalî Kafkasyanın maruf komünisti Sahan-Girey Mansurof hakkında verdiği izahat beklenilmez bir hadisedir. Maruzada Mansurof „bandit" adlandırılmıştır.

Sovyet gazetelerinden bize malumdur, ki bir kaç yıl evvel Mansurof „fitneçilikle" suçlandırılıb Şimalî Osetiya icraiye komitesi riyasetinden atılmıştır. Hususi mehafilden öğrendimize göre bundan sonra Mansurofu şimale sürmüşlerdir. Fakat Riyabokonun verdiği izahat Mansurofun işinin âdî „fitneçilikten" ibaret olmayıb çok ciddî bir iş olduğunu gösteriyor. M. Kaytıkti adlı birisinin „Rastdzinad" (27-9-36) gazetesindeki „İhtilâl aleyhdarı Mansurofçılığı kökünden koparmalı" („Bundzaræj skhaxæm kontrrevoljucion mamsurovsčinæ") başlığını taşıyan makalesi de bu fikrimizi takviye ediyor.

Bu makalede Mansurofun 1932 de Moskvada kurşuna dizilen inguş komünisti İdris Ziyazıkofla sıkı münasebette olduğu, onunla birlikte Mansurofun „komünist partisinin en fedakâr oğulları ve mücahidlerine karşı savaş yürüttüğü" iddea olunmaktadır.

Eğer Ziyazıkofun ve onunla birlikte 20 inguşun, mes'ul mevkiler işğal eden bir çok rus komünistlerine karşı terror tertib ettikleri töhmetile (komiser Çornoglaz ve başkalarının öldürülmeleri) kurşuna dizilmeğe mahkûm edildiklerini ve İnguşistanda ayni zamanda Osetiyada dahi terrorlar vaki olduğunu nazara alacak olursak Mansurofun „banditizmile" Ziyazıkofun „banditizmi"nin ayni neviden şeyler olduğunu anlamış oluruz; bilhassa, ki Mansurofun azli ve sürülmesile Ziyazıkofun azil ve tevkifi ayni zamanda, vuku buluyordu. Bu suretle iddea ede biliriz, ki Mansurofla Ziyazıkofun irtibatları ve „komünist partisinin en fedakâr ogullarına ve mücahidlerine karşı „ortak savaşları, müşterek ve muntazam antisovyet terror teşkilinden

*) Şimalî Osetiya eyalet icraiyesi sabık reisi Sahan-Girey Mansurofun „banditizmi" şimdiye kadar gizletilen hakikatlerden biridir. (Mansurofu menfada zannedenler varsada çok ihtimal, ki çoktan öldürülmüştür.)

ibaret olmuştur. Şüphe yoktur, ki Mansurof tevkif edildikten sonra Ziyazıkof gibi katledilmiştir. Mansurof şimaldeki sovyet hapishanelerinden birinde kurşuna dizilmiştir.

Riyabokon, onu „bandit" adlandırmakla istemiyerek bize bir hizmette bulundu, yâni, ekseriyeti, sovyet hükûmetinin mahkûm milletlere hürriyet vereceğine inanan vatan „bolşevizatorları" arasındaki facialerden birini dahi açmamız için imkân yaratmış oldu.

Lakin, mes'ul komünistler tarafından tertib edilen antısovyet terror hadiseleri Ziyazikofla Mansurofun „bandit" faaliyetlerile bitmiş olmıyor. Bu faaliyetten birisini de bize (gene Zinovyef—Kamenef muhakemesinden sonraki „ifşa" seferi münasebetile) Şimalî Kafkasya ölke komitesinin kâtibi (bu defa birinci kâtibi) Yevdokimof bildiriyor. „Pravda" (26-8-36) gazetesindeki makalesinde o yazıyor, ki:

„Uzak dağlık mintakalarda bile ölkemizin kollektivize sahasında elde etmiş olduğu muvaffakiyetler sınıf düşmanlarını aktivleştiriyor. Çerkesistan misalı ile de bu aydındır. Burada azaleri vilayet mes'ul memurlarından ibaret büyük bir burjua—milliyetçi terrorist teşkilatı meydana çıkarılmıştı."

Kaydetmek lâzımdır, ki, bu ifşaat dahi sovyet gazetelerinin daimî okuyucuları nazarında bir sürprizdir, çünkü şimdiye kadar Çerkesistanda, azaleri mes'ul parti rehberlerinden ibaret bir milliyetçi terror teşkilatı meydana çıkarılmış olduğu hakkında hiç bir şey yazılmamıştır. Bu suretle, son Moskva muhakemesinin meydana getirdiği matbu ve şifahi seferin kızgınlığı ile bolşevikler şimdiye kadar gizlettikleri şeyleri dışarıya çıkarıyorlar.

Yevdokimofun sözlerinden anlaşılıyor, ki Çerkesistandaki milliyetçi—terrorist teşkilati mes'elesi yakın geçmişin işidir. Bu teşkilatın meydana çıkmasını bir müddet evvel bitmış olan „parti vesikalarını degiştirme" ile bağlıyor. Demek, ki bu hadise 1934—35 senesinden evvel baş vermezdi.

Fakat, agzı açılmış olan sovyet matbuatı daha yeni hadiselerden bahsediyor „Dağıstanskaya Pravda" (2-9-36) gazetesinin yazdığına göre Zinovyefle arkadaşları tevkif edilir edilmez Hasaf — Yurtta, Hasaf — Yurt mıntakası kumünist teşkilatı sabık kâtibi Mamaş Şahmurzayefin terrorist grupu keşfolunmuştur. Bu grupa Şahmurzayeften başka İçekayef ayni zamanda Hizriyef, Amirov İmav, Zairhanof, Saadullayef, Alibekof ve başkaları dahi dahil bulunuyormuş. Grup parti işçilerine karşı terror tertib ediyor, sovhoz ve demir yolu istasyonlarına baskınlar tertib ediyormuş. O cümleden olmak üzre bu grup İvan Riyabof, Neçipurenko, kolhoz reisi Kazımehmedof Hasan ve başkaları gibi komünistleri öldürmüştür. Gazetenin yazdığına göre bu grupun azaleri „bandit" ithamile muhakeme edileceklerdir, gerçi faaliyetleri eşkıyalıktan uzak sırf sovyet hükûmeti ve mümessillerile savaştan ibaret olmuştur.

Son ifşa seferi esnasında meydana çıkarılan aşağıdaki vaz'iyet te ibretamizdir. Megerse Sovyet rejiminin 20 nci yılında Şimalî Kafkasyayı komünistleştirme işi iptidaî bir halde imiş. Aullarda asla komünist yokmuş, mevcud parti teşkilatları ise hiç bir aktivite göstermiyor ve degersiz unsurlardan ibaret imişler. Bu hususta bize malumat veren „Şimalî Kafkasya bolşeviki„nin (29-8-1936) Kabarda—Balkar muhtar vilayetine ayırdığı makaledir. Makale vilayetin en önde gideni olan Urvan nahiyesinin parti teşkilatına tahsis edilmiştir.

Gazete yazıyor, ki:

„Üç yıl zarfında Urvan nahiyesinin parti komitesi yalnız üç defa umumî toplantı yapmıştır. 1935 ve 1936 ncı yıllar zarfında ise ancak bir defa toplanılmıştır. Bu da, SSSR komünist partisi merkezile ölke komitesinin defaatle işlerin eyileştirilmesine nazari dikkatı celbettikten ve parti vesikalarını degiştirme esnasında umumî toplantılar çağırılması ve vesika degiştirme işlerinin görüşülmesi teklif edildikten sonra vaki oluyordu.

Meshurey, Şeker ve başka kolhozlarda ilk parti teşkilatlari nizamnamesinin bozulması suretinde kurulmuştur. „Yâni kurulan parti teşkilatlarında 15 komünist mevcud değildir. Yeni aza kabuluna başlarken komünistlerin artacağını nazara almışlar ve komiteyi fesha lüzum görmemişler. Komünistlerin çoğu parti komitelerinin ne zaman seçilmiş olduğunu bilmiyorlar ve parti komiteleri teşkilat karşısında hiç bir zaman hesab vermemiştir. Meselâ Şeker kolhozunun parti komitesi, komite kâtibi Batrazofun izahatına göre, 1933 de seçilmiş ve bugüne kadar teşkilat karşısında hesab vermemiştir"...

Gene yazıyor, ki:

„Nahiye komitesinde ve ilk teşkilatlarda parti işlerine sathi bakıyorlar. Diyorlar, ki: parti işlerinin fena olduğunu biliyoruz, ona mukabil bakınız ne güzel mahsulumuz ve ne eyi Stahanofçularımız vardır.

240 komünisten 73-ü okuyub yazamıyor, ilk parti teşkilatlarından çoğunun teşkilatçıları siyasî ve teknik malumattan mahrum iseler, partı talimi berbad ise, bunun ehemmiyeti yoktur."

Ona göre pek tabiîdir, ki:

„...152 mütalaaçi ve söhbetçi içinde (Yâni kültür işleri kadrosu arasında) ancak 4 komünist olacaktır; yerde kalanı 64 komsomol ve 82 partisizdir. Psigansu kolhozunun mütalaaçı ve söhbetçileri arasında yalnız bir komünist vardır".

Bunun neticesi olarak „Kabarda—Balkaryada" „halk düşmanları açık ihtilâl aleyhinde çıkışlar yapıyorlar" ve bu çıkışları mes'ul parti işçileri himaye ediyor.

„Ş. K. b." diyor, ki:

„...Ona göre parti ve hükûmet kararlarının yanlış tefsirleri ve tahrifleri tasadüfî değildir. Böyle bir vaz'iyette halk düşmanları da açık çıkışlar yapacaklardır. Nahiye parti komiteleri olsa—olsa bu hadiseleri kaydetmekle iktifa ediyorlar".

Şimalî Kafkasyanın en loyal ve en opportunist komünistlerinden olan Betal Kalmıkofun saltanatında, „ordenli" vilayetin „önde yürüyen" nahiyesinde parti işleri, işte bu vaz'iyettedir. Diger nahieylerde vaz'iyetin bolşevikler için daha az memnuniyet verici olduğuna şüphe yoktur.

Şimalî Kafkasyada „burjua—milliyetçiliği" hakkında daha etrafli malumat edinmek için bu milliyetciligin muharrirler, edibler, ilim adamları ve muallimler arasındaki tezahüründen dahi bahsetmek lâzımdır.

Burjua milliyetçiliği bu muhitte dahi esaslı kök salmıştır 1931—32 de Sovyet matbuatı" Dağlı milletlerin tarihini „milliyet ruhunda tahrif" aleyhinde sefer başlamıştı. Şimalî Kafkasya Komünist muharrirleri tarafından yazılmış bir çok kitab bu devirde ortadan kaldırılmış ve müellifleri muhtelif cezalere mahkûm edilmişlerdi. 1935 de Şimalî Osetiyadaki ilmî tetkikat enstitüsü „tarihçilikte ve bediî edebiyatta aksi ithilâlçı trotskizme, büyük devletçiliğe ve milliyetçiliğe karşı" unvani umumisi altında bir konfrans serisi tertib etti. Şimalî Kafkasyanın başka mıntakalerinde de ayni propaganda başlamıştı. Bunlara bakmıyarak Şimalî Kafkasyada trotskizm ve milliyetçilik imha edilemedi.

Zinovyefin muhakemesinden sonra Şimalî Osetyada „sovet yazıçıları birliğindan adları aşağıda yazılan „trotskist ve burjua milliyetçi„leri ihraç edilmiştir: Farnion Kosta*), Dzesti Kudzag, Zaziti Sardi ve „burjua milliyetçisi" Kossirati Sarmat. („Rastdzinad" — 5-9-36). Eylûlün sonuna dogru bu listeye şunlarda ilave olundu:

Hutinati Gabpu, Abayti Samil (Şamil) ve Dzagurti Gubadi („Rastdzinad" 27-9-36). Samil Abaytiyi „Rast." gazetesinin 21 Eylûl tarihli sayısındaki makalesi de kurtarmadı. O bu yazısında bir çok mes'ul komümistleri „trotskizm ve „milliyetçilikte" ittiham ediyordu. Dağıstanda daha meraklı bir hadise baş vermiştir.

Burada milliyetçilikle itham olunan maarif komiseri ve Dağıstan yazıçılar birliğini teşkil komitesi reisi Bagau Astemirofur. „Burjua milliyetçisi Bagau Astemirof kendi muavini olan „trotskiçi" Olşevski ve Dağıstan ilmî tetkikat enstitüsü müdürü Leleviçle birleşmiş imiş. Bu Leleviç ayni zamanda sovyet yazıcıları birliginde mühim rol oynamakta imiş. Netice bunların her üçü işten ve partiden atılarak tevkif edilmişlerdir.

Bu münasebetle „Şimalî Kafkasya sovyet matbuatı tarafından açılan seferde en çok yer Leleviçe tahsis edilmiştir.**). Ona atfolunan suçlar üzerinde daha etrafli durmak icab edecektir, çünkü bu ithamname millî edebiyatların SSSR de hangi şerayit altında inkişaf ettiklerini tenvir etmektedir.

6-10-1936 tarihli „Ş K. belşeviki" yazıyor, ki:

„Vaktile millî neşriyat idaresi tarafından Leleviçin "Dağıstan edebiyatlarını öğrenmek yollarında" adlı maruf kitabı neşrolunmuştur. Bu kitab şimdiye kadar tenkidçi gözü ile tahlil edilmemiştir. Leleviçin bu kitabda terviç ettiği ihtilâl aleyhindeki fikirler bugüne kadar ifşa edilmemiş duruyor. Halbuki müellifin ihtilâl aleyhdarı fikirlerini kitabın her sahifesinde bulmak mümkündür.

Şayani dikkattır, ki kitabın devam eden 130—150 sahifesinde Stalin yoldaşın adı yalnız bir defa zikrolunuyor. (Hakikaten de „müthiş bir cinayet". — D.).

Ve bir az sonra:

„Dağlı milletlerin rus çarlığile vakı olan ve Marksın dahi vaktile iftihar ettiği savaşları Leleviçe göre sınıf savaşı değil, Dağıstan milletlerinin Şamile olan sevgisi neticesi„ miş.

Şimalî Kafkasyanın umumî millî kahramanı olan İmam Şamilin ehemmiyet ve kıymetini düşürmek Şimalî Kafkasya sovyet tarihcilerinin başlıca gayelerini teşkil eder. Ona göre pek tabiîdir, ki İmam Şamilin şahsiyetine yaklaşmasında tarihî hakıkat yolu ile giden Leleviç sovyetlerin G.P.U. tenkitçilerini ve çekistlerini tatmin edemezdi.

„Ş K. b."i sözünde devamla diyor, ki:

„Leleviçin ihtilâl aleyhdarı ve trotskist fikirleri edebiyattan bahsettigi yerde dahi meydana çıkmaktadır.

Leleviçin Süleyman Stalski hakkındaki fikirleri bunun delilidir.***) Leleviç bu şairi düşürmeğe ve ehemmiyetini küçültmeğe sayetmektedir. O, Süleymanı mahallî bir yazıçıya çeviriyordu, eserlerinde feodalizm tesiri olduğunu ve şiirlerinin „kürin dağları ile hududlanmış olduğunu" iddea ederek bilelerkten, kasten Süleyman Stalskinin şiirlerinin yalnız SSSR halkının değil belki bütün cihan emekçilerinin malı olmağa başladığını kaydetmiyordu. (Eğer böyle devam ederse „beşeriyet rehberinin" saray şairi olan Süleyman belki de beynelmilel bir şöhret kazanır—D.). Bu fevkalade şaire karşı Leleviç Fatahofun ideolojice noksan („millî eğinti" — D.), ve zaif manzum romanlarını koyuyor (bolşeviklerin gözünde „ideolojice noksan" eserler başka türlü de olamazdı.—D.).

Nihayet en şayani kayd ve şayani dikkatı, bolşeviklerin halk yaradıcılığına olan alakaleri geliyor:

„Dağlı kolhozlarında ve aullarında yaratılmakta olan yeni şarkileri ve şiirleri ihmal eden Leleviç bolşeviklerden evvel Dağıstanda yaratılmış olan halkıyat hakkında saatlerce konuşa bilir. Ona göre pek tabiî bir şeydir, ki Leleviçin ilmî tetkikat enstitüsünde bırakmış olduğu „miras" arasında bir tane olsun oktobr inkılâbından sonra yaratılmış sovyet şiri, şarkisive hikâyesi bulmak mümkün değildir."

Çok ihtimal ki millet esasen böyle şiir, şarki ve hikâyeler yeratmamıştır. Bu gibi işlerle dolğun maaş alan Süleyman Stalskiler meşğuldur.

Leleviçe karşı ileri sürülen bütün bu ithamlar-

*) F. K. nın „Uady unæг" (Fırtınanın sesi) eseri hakkında sovyet tenkitçisi 1932 de şunları yazıyordu: „Fırtınanın sesi", osetin dili yoksuldur, bu dilde bediî eser yaratmak imkânsızdır, diyen opportunistlere bir darbedir." Gerçi o zaman dahi „geçmiş şiirlerindeki milliyetçilik"ten dolayi tekdir edilmişti. Şimdi ise „Prol. Osetiya" (4-9-36) „eserlerinde trotskizm ve burjua—milliyetçiliği kaçakçılığı yapan trotskist Kosta Farnion'un sovyet yazıçılar birliğinden atıldığını" yazıyor.

**) „Olşevski" ve „Leleviç" adlarının hiç de ruscaya benzemediği nazari dikkatı celbetmektedir. Olşevski lehcedir. Çok ihtimal ki Leleviç de lehdir, veyahud herhalde rus değıldir. Ona atfolunan suçlar bu fikri teyid etmektedir.

***) Aşağı Stal aulundan olan Süleyman okuyub yazmaktan mahrum bir "Aşık„dır. Şiirleri Stalini v. s. sovyet „rehberlerini" medhetmekten ibaret olan bu adam bolşevikler tarafından dâhi halk şairi rütbesine yükseltilmiştir.

bolşevik hakimiyeti altında rus olmayan milletler edebiyatının ne şerait altında inkişaf etmekte olduklarını gösteren en güzel delillerdir. SSSRdeki rus olmıyan milletlerin millî yaratıcılığı filen millî hususiyetten mahrumdur, resmî sovyet tenkitçiliğinin cizmiş olduğu yoldan küçük bir egilme müthiş cezayı mucib oluyor

Bagau Astemiroftan başka Dağıstan muharrirlerinden Kaziyef-Ali ve kumuk dilinde yazan Temir-Bulat Beybulat dahi tazyika uğramışlardır. Bunlardan birincisi „bir kaç kaba siyasî hatalar bıraktığı için" Şamil kalada vuku bulan (son Teşrin 1936 nin başında) yazıçılar kurultayında „hatalerini açıkca itiraf etmiştir." Dağıstanın en eski ve yüksek kültür sahibi şair ve edibi olan Temir-Bulat Beybulat yazıçılar kurultayında „hayatta yalnız: söz (edebiyat), musiki ve ressamın fırçası gibi üç yaratıcı kuvvet tanımak" suretile „kurultay kürsüsünden idealistce teori terviç ettiği" için matbuatın hücumlarına maruz kalmıştır. („Dağıstanskaya Pravda" 6-11-1936).

İlmî müeessese azalerinden bu defa takibata uğrayan bilhassa ilmî tetkikat enstitüsü denilen müesseselerdir. Çeçenistanda, Çeçenistan ilmî tetkikat enstitüsü azalerinden Halid Yandiyef (enstitünün ilmî kâtibi)—„bolşevizm ile savaş komitesinin sabik azası", Matsiyef — „Çeçenistanda en büyük kapitalistlerden Matsiyefler ailesine mensub", Ahmat Nojayef — „sabik din ülemasından olub düşman olduğunu „Leninski put" ve „Groznenski raboçi" ifşa etmişlerdir", Tramof — „Çarlık devri müddei umumilerinden" işten atılmışlardır. Bunların bütün yazmış oldukları eserler „söz yok, ki yalandır". Enstitü neşriyatında bunlar „trotskizm ve burjua milliyetçiliği kaçakçılığile" meşgul imişler. („Ş. K. b." 10 9-1936).

Şimalî Osetiyada enstitü müdürü olan „trotskiçi" Barakof (Baraktı) dahi azledilmiştir.

Bizim için tesellibahş bir hadise olduğuna şüphe olmıyan bir meş,eleyi de kaydetmek lâzımdır. Bahsetmek istediğimiz mes'ele Şimalî Kafkasyada ilk ve orta mekteb muallimlerinin „itimada şayan" olmadıklarıdır. „Dağıstanskaya Pravda" gazetesinin 9-9-1935 tarihli sayısında okuduğumuza göre Şimali Kafkasya çocuklarının esas kitlesini ihtiva eden bu mekteblerde „ıhtilâl düşmanları ders esnasında trotskizm ve milliyetçi şiarlar yayıyormuşlar. Konkret misal olmak üzre gazete Gunib orta mekteb muallimi Mahaçefi alıyor. Mahaçef „sınıf tahtasında ihtilal aleyhinde muhtelif şiarlar yazıyor ve etrafına sınıf düşmanlarını toplıyor.

Hali hazırda, sovyet rejiminin 20 nci yılında Şimalî Kafkasyada „burjua milliyetçiliği" tezahürleri bu vaz'iyettedir. Halbuki Stalinin „ana hattı" mucibince daha, çoktan bitmiş olan birinci beş yıllığın sonunda „sabık sınıfların bütün kalkıları, ve onlarla birlikte bütün millî antogonizm ve temayüller „kökünden mahvedilmiş" olmalı idi.

Cenubî Kafkasyadaki milliyet hareketi bundan az kuvvetli değildir. Bu hususta Gürcüstan komünist partisi kâtibi Lavrenti Beria „Gürcüstan kolhozlarının daha çok takviyesi için alınacak tedbirler" mevzuundaki maruzasında („Zarya Vostoka" 1-9 1936) çok mühim itiraflarda bulunmuştur.

Beria demiştir, ki:

„K o l h o z l a r ı t a k v i y e e t m e k v a z i f e l e r i k ö y l e r d e k i p a r t i v e s o v y e t t e ş k i l a t l a r ı n a, m e n ş e v i k l e r i n, t a ş n a k l a r ı n, m ü s a v a t ç ı l a r ı n v e k ö y k o l ç o m a k l a r ı n ı n s o v y e t a l e y h i n d e k i a k s i i n k ı l a b ç ı f a a l i y e t l e r i l e v e T r o t s k i - Z i n o v i e f t a r a f t a r ı a k s i i h t i l â l ç ı b e y a z l a r ı n b o z g u n c u h a r e k e t l e r i l e s a v a ş ı k u v v e t l e n d i r m e ğ i e m r e d e r"...

„...G ü r c ü s t a n ı n d a h i l i y e k o m i s e r l i ğ i (G. P. U.), s o n z a m a n l a r d a k ö y l e r d e v e k o l h o z l a r d a b i r ç o k i h t i l â l d ü ş m a n ı m e n ş e v i k, t a ş n a k, t r o t s k i s t v. s. a k s i i h t i l â l ç ı g r u p k e ş f e t m i ş t i r. Bu gösteriyor, ki sınfî düşman unsurları k o l l a r ı n ı s a l l ı y a r a k o t u r m ı y o r, b i l a k i s b o z u c u f a a l i y e t l e r i n d e d e v a m e d i y o r l a r."

Bu itiraf Berianın loganarak söylediği sözlerle taban tabana zıddır. Beria Haziranda yazdığı ve yeni konstitusyondan bahseden makalesinde iddea ediyordu, ki: sovyet hükûmetinin Cenubi Kafkasyadaki „muvaffakiyet ve zaferleri m e n ş e v i k, t a ş n a k v e m ü s a v a t p a r t i l e r i n i n i h t i l â l a l e y h i n d e k i f a a l i y e t l e r i i ç i n z e m i n i k ö k u n d e n o r t a d a n k a l d ı r m ı ş t ı r. Şimdi ise Beria hakikat karşısında yalnız sovyet aleyhindeki millî faaliyetin mevcudiyetini değil, hatta bu faaliyete karşı bütün parti ve sovyet teşkilatını ayaklandırmak lüzumunu bile itiraf ediyor.

Fakat, sovyet hükûmeti teşkilatile komünist partisi teşkilatı Cenubî Kafkasyada dahi bu savaş için ümid edilecek bir silah değildir. Çünku „burjua milliyetçiliği" burada dahi, hiç bir zaman girememesi lâzim gelen, yerli komünistlerin en üst tabakası arasına gire bilmiştir.

Meselâ, Azerbaycanda marksizm — leninizm enstitüsü müdürü Mahmud Agayefin „burjua milliyetçisi" olduğu (!) anlaşılarak vazifeden ve partiden ihrac edilmiştir. („Bak. Raboçi" — 28-8-36) Kazalerdeki parti rehbelerinin de çoğu milliyetçi oldukları için ayni akibete düçar olmuşlardır.

Milliyetçilik İrevandaki marksizm — leninizm enstitüsünde dahi yuva salmış imiş. Bu milliyetçilerin başı Ermenistanın sabık maarif komiseri ve enstitü direktoru Stepanyan idi, ki Hancıyanın intiharından bir müddet evvel ifşa edilmişti.

Bu intihar kendisi dahi ermeni komünistleri arasındaki hereketle alakadar bir hadisedir. Hadisenin teferrüatını sovyet mehafili ancak şimdi meydana çıkarıyor. Bu hususta Beria 19-8-36 tarihli „Pravda" gazetesindeki makalesinde bu hadise hakkında etrafli malumat veriyor. Daha etrafli malumatı ise Ermenistan komünist partisinin yeni kâtibi Amatuni'nin 2 İlk Teşrin tarihli İrevan partı toplantısındaki 30 İlk Teşrinde „Z. Vostoka" da okuduğumuz maruzasından öğreniyoruz.

Beria kendi makalesinde Kafkasya komünistleri arasında milliyetçiligin kökleşmesini şu suretle izah ediyor:

„Ermeni ve Gürcü" münevverlerinin eski kadrosundan bir kısmı içerisinde milliyetçilik ruhu daha kuvvetlidir, düşman çok zaman bunu istifadeye kalkıyor. Bu münevverler grupunun internasyonal terbiyesi üzerinde israrla çalışmakdansa,

ayrı-ayrı komünistler, bâzen de rehberler bile, partinin milliyet siyasetini çok zaman kavramiyarak geri milliyetçilik ruhuna kapılıyor, başkalarını ve kendilerini korkuduyor ve parti sıralarına zararlı milliyetçilik sokuyorlar. Kumünist muhitine nüfuz etmeli ve kendi arkasınca çekmelidir. Bazi komünistlerde ise tam aksine oluyor: milliyetçi ve düşman unsurlar onlara tesir ediyor ve onları kendi maksadları için istifade ediyor."

Kendisi de farkına varmadan Beria bu itirafında komünist—sovyet şiarlarının, Kafkasya milletlerinin millî ideolojileri karşısında zaifligini açmış oluyor. Malum oluyor, ki Kafkasya cumhuriyetlerinin 18 nci istila yılında, bu müddet zarfında dehşet koparan terrora ragmen Kafkasya millî mefkûresi yalnız değil ki imha edilmemiş, değil ki mevcuddur, belki bu mefkûre taarruz ve yayılma halindedir. Bu mefkûre yalnız geniş halk kitlesi içerisinde ve komünist partisini aşagı tabakası arasında yayılmıyor yüksek tabakaya ve mes'ul makama da nüfuz ederek kendi şiarlarını kabul ettiriyor.

Berianın itiraf ettiği bu hal, bu makaledeki materyallarla da teyid olunmaktadır.

Azerbaycan, Şimalî Kafkasya, Gürcüstan, Türküstan ve Ukrayna mumessilleri tarafından Milletler Cemiyeti 17-ci konseyi reisine takdim edilmiş Muhtıra

Milletler Cemiyetinin sıradaki konseyi ile alakakadar olarak bu yılın Eylûl ayında Azerbaycan, Şimalî Kafkasya, Gürcüstan, Türküstan ve Ukrayna mümessilleri tarafından Cemiyet konseyi reisi Saavedr Lamas'a bir muhtıra takdim edilmiştir. Mezkûr muhtırada Sovyet Rusya'nın mahkûm milletlere dair siyaseti tenvir edilerek, S. S. S. R. mahkûmu milletlerin bulunduğu haksız ve hukuksuz vaziyeti daha da fenalaştıran yeni Sovyet Konistitusyonunun asıl gayesi bilhassa kabartılmıştır. Muhtırada ezcümle şunları okuyoruz:

„...Milletler Cemiyetine hoş görünmek ve S S S R. ehalisinin düşmanlığını hafifletmek için; Stalin, yeni Sovyet konistitusyonu'nun ilânını emretmiştir. Bu proje diktatorun adamları tarafından „dünya da en demokratik bir konistutusyon" olarak ileri sürülmektedir. Burada vesikanın geniş surette tahliline girişmiyerek, bu kabil bir iddeaya karşı şu hakıkatı koymak mecburiyetini hisediyoruz: bu proje, hâkim rol ve mevkii, munhasiren Sovyet ittihadında hiç bir manevî nufuza sahib olmiyan, hâkim rolunu ancak G. P. U. nun terroruna medyun bulunan komünist fırkasına (§§ 125, 141-e bakıla) veriyor. Bu suretle, her türlü muhalefet imhaya maruz kalacağından, ta bidayetten beri sovyet cumhuriyetlerinin konistitusyonunda ancak kâğıd üzerinde yer bulmuş olan ve şimdiki yeni projede tasavvur edilen hürriyet hakkı şüpheli bir mahiyet almış oluyor. „Amele ve köylü memleketinde" hatta her türlü grev dahi ortadan kaldırılmış, yeni konistitusyonda bu hususta hiç bir degişiklik yapılmamıştır. „Amele ve köylü" hükûmeti hiç sıkılmadan grev yapmak teşebbüsünde bulunan ameleleri Sebirya'ya göndermektedir.

Fakat bizim için mühim olan şey şunu anlamaktır: aceba yeni konistitusyon Moskva'nın askerî işgali altında bulunan ülkelerin mukadderatında bir degişiklik vücude getirmişmidir? Buna cevab olarak katiyetle diye biliriz ki, sözde hür olan cumhuriyetler ittihadının bu konistitusyon projesi haddi zatında sıkı bir merkeziyetcilik ve milletlerimizi Moskva hakimiyetine temamen tâbi kılmak emelile yapılmıştır.

Burada ancak en mühim bir ciheti kaydediyoruz: Eger şimdiki halde S. S. S. R. İcra komitesinde İttihadı teşkil eden 7 cumhuriyetden her birinin mümessili varsa, buna mukabil projede tasavvur edilen ve filen İttihadı idare edecek olan „Yüksek Sovyet Riyaseti", aza — cumhuriyetlerin bu müessesede mümessil bulundurmalarını temin edemiyecek bir tarzda teşkil edilmiştir. Yeni konistitusyon, bügünkü konistitusyon mucibince her İttihad azasi — cumhuriyetlerde mevcud olan komisarlıkların (nezaretlerin) çoğunu ilğa ediyor. Cumhuriyetlere ancak, haddi zatında merkezî hükûmete tâbi bulunan ikinci dereceden 4 nezaret bırakılıyor.

Projeye göre, idare, vergi taksimat ve toplanışı temamen merkezi hükûmet elinde bulunuyorki, bunun da cumhuriyetler için hiç te elverişli bir şey olmadığı âsikârdır. Tekmil haricî ticaret, sanayileştirme, planı, ticaret işleri de yeni projeye göre Moskva'ya aiddir. Hatta, bu ülkelerin hayat damarı olan ziraat işleri, erzak taksimati bile Moskva'da merkezleştirilmiştir.

Bütün bunlar İttihad cumhuriyetlerini yaşamak hakkından mahrum bırakıyor ve Kafkasya, Türküstan ve Ukrayna'yi Moskva'nın kolonisi vaziyetine sokuyor. Yeni konistitusyon'un resmen tesbit ettigi komünist fırkası hâkimiyeti bu projenin merkeziyetçilik emelini daha fazla aydınlaştırmaktadır. Tek bir başa yani Staline tâbi bulunan tek ve hâkim S. S S. R. fırkası, Moskva'ya, Kafkasya, Türküstan ve Ukrayna gibi istilâ edilmiş ülkelerde şiddetli bir idare tarzı tatbik etmek ve Edil—Ural, Kırım, Akrusya, fin (kareliya), bütün kazak ülkeleri gibi hür hayat yaşamak isteyen ve istiklâl taleb eden diger milletleri merkeziyetçi rejime tabi kılmak imkânını verecektir. Sovyet istatistikine göre, hep bir arada bütün S. S. S. R. nufusunun yarısını teşkil eden bu milletler değil yalnız kendi siyasî hürriyet ve iktisadî menfaatlerini müdafaa etmek, ayni zamanda her millet için mukaddes olan din, millî an'ane, dil v. s. yi Moskva hakimiyetinin ruslaştırma siyasetine karşı korumak ve istila kuvvetini bütün bu mükaddesattan uzak bulundurmaga çalışmak mecburiyetindedirler.

Demek oluyor ki, bolşeviklerin dünya propagan-

dasına ragmen, Moskva mahkûmu milletlerin vaziyetinde hiç bir degişiklik vücude gelmiş degildir. Bu milletler kendi hürriyet mücadelelerinde devam etmektedirler. Ecnebi devletler S. S. S. R. in bütünlügünü korumak, onun bügünkü vaziyetini kuvvetlendirmek ve ona malî v. s. hususlarda yardımda bulunmakla Moskva tarafından istilâ edilmiş ülkelerimizin esirlik zincirini daha fazla ağırlaştırıyorlardır. Eger Milletler Cemiyeti kendi nizamnamesi prensipine dayanıyorsa böyle bir vaziyete müsaade edebilirmi?

Bu ağlanacak vaziyetten çıkmak için tek bir yol, bügünkü sovyet konistitusyonunun § 4, yahud yeni projenin § 17 maddesinin tatbiki ola bilirdi. Bu maddeler sovyet cumhuriyetlerine kendi arzularile serbestce ittihaddan çıkmak hakkını vermektedir. Belli bir şeydir ki, bugünkü vaziyette, mahkûm milletlerin bu haktan istifadelerine imkân yoktur. Binaenaleyh, bu maddelerin tatbikine yariyacak şerait yaratmak zarureti vardır. Bu yapıldığı takdirde Kafkasya, Türküstan ve Ukrayna, kendi millî mukadderatlarına aid husussatta serbest olarak kendi arzularını beyan etmek imkânını elde etmiş olacaklardır. Er-gec hâkimle mahkûm arasında çıkacak olan kanlı mücadeleden kaçınmak için bu en münasib ve yegâne yoldur. Eger sovyet hükûmeti —ilân ettigi gibi— bu milletlerin mes'ud olduğuna ve Moskva'ya candan bağlı bulunduklarına inanıyorsa, o zaman korkması için bir sebeb yoktur.

Bu üsul, S. S. S. R. e Cenevrede oturmak müsaadesi verildiği günden itibaren Milletler Cemiyetinin girmiş olduğu nâzik manevî vaziyetin kısmen tamirine yarıya bilirdi. Ancak bu suretledirki Cemiyet, âdil bir sulh yani hakıkı bir sulh işi yapa bilir. Çünkü adil olmıyan her sulh kendinde müstakbel bir harb nüvesi saklamaktadır."

Muhtıranın sonunda Cemiyet'in „yeni bir kuvvet ve hamle ile milletlerin istiklâli prensipini müdafaa edecegi ve kendi hürriyeti uğrunda kahramanca çarpışan ülkelere manevî yardımda bulunacağı" ümidi beyan edilmektedir.

Andre Jid'in Sovyetlerden dönüşü

Fransanın en maruf ediplerinden Andre Jid'in bir kaç yıl evvel komünizmi kabul etmesi bütün dünyada bir hadise telâkki edilmişti. Ve bu hadise, Fransa efkâri umumiyesi üzerinde, bilhassa radikal düşünen genclik üzerinde büyük tesir yapmış, bu mehafilde Sovyetlere karşı sempatinin derinleşmesini mucib olmuştu.

Andre Jid bu yazın Sovyetleri ziyaret ederek tam beş ay dolaşmış, bu geniş memleketin her yerinde bulunmuştur.

Okuyucularımız biliyorlar ki Sovyet Azerbaysanın komünist „âlimlerine" rus dilinin bütün cihan mediniyetinin dili olduğunu isbata çalışan Bakûdaki rus profesorları bilhassa Andre Jidin şehadetine müracaat etmişlerdi. Güya Andre Jid dahi rus milletinin dünyanın en medeni milleti olduğunu kabul ve bütün milletlerin ruslaşması icab ettiğini tavsiye etmekte imiş.

Şimdi Andre Jid Sovyetlerden avdet etmiş ve intibalerini bir kitab halinde neşretmiştir. „S S S R - d e n d ö n ü ş" adını taşıyan bu kitab dahi Andre Jidin komünizmi kabulu gibi cihan mıkyasında bir hadise teşkil etmiştir. Kimse bu büyük mütefekkirin böyle meyûs, böyle bedbin avdet edeceğini beklememiştir. Andre Jid'de rus milletinin büyüklüğüne, rus dilinin bütün cihan medeniyetinin dili olduğuna dair hiç bir işaret bile bulmıyacağınızdan başka Rusyaya karşı aleyhtar bir dil bulacaksınız.

Kitabının başında Andre Jid „ben mi SSSR mi değişmiştir?" sorğusunu vaz'ettikten sonra şu cevabi veriyor:

Şimdiye kadar yanılmış isem, en iyisi bu hatamı itiraf etmem gerektir. Çünkü hatama uyanlar karşısında ben mesuliyet taşıyorum."

„Benim gözümde benim kendimden daha ehemmiyetli, SSSR-den daha kıymetli şeyler vardır: ben beşeriyetten,onun mukadderatından, onun medeniyetinden bahsediyorum."

Bu satırlar Andre Jidin rus dil ve medeniyetine olan alakasını göstermeğe kâfidir. Andre Jid diyor ki:

„Hitler Almanyası da dahil olmak üzre dünyada, Sovyetler kadar fikrin daha az hür bulunduğu, daha çok ezildiği, daha fazla terrorize olunduğu bir memleket tasavvur etmem."

„. . . Biliyorum SSSR-de „öz-özünü tenkid"den çok bahsederler. Uzaktan ben de onunla seviniyor ve ona çok ümitler bağlıyordum. Fakat çok çabuk bunun casusluk ve jurnalçılıktan başka bir netice vermediğini öğrendim".

Andre Jid devam ediyor:

„. . . Sarfedilmiş bu kadar sây, savaş ve akıtılan bu kadar kan ve göz yaşlarından sonra ne elde edilmiştir? İnsanlar bir az olsun, başlarını kaldırmaya muvaffak olmuşlar mı? Hiç bir zaman başlar bu kadar aşağı inmemiştir".

Müellife göre:

İstihsal gerek keyfiyet, gerekse kemiyet itibarile son derece aşağıdır. Fransız amelesinin telesmeden beş saatta yaptığı bir işi rus amelesi 8 günde yapıyor. Müellif bunu missallarla isbat ediyor. Malûm a, emtianın keyfiyet itibarile yükselmesine, rakabet olmadığı için, ihtiyac yokmuş. Sonra esasen bütün dünyada istihsal SSSR-dekinden daha berbad imiş. İş, emek hakkı da çok aşağıdır. Günde 5—6 ruble kazanan ameleye az tesadüf olunur. Sovyet vatandaşları dünyadan habersiz olarak cehalet içinde yetiştiriliyor. Bunun neticesinde Sovyet gencliğinde daülazeme hastalıgı vardır. Moskvada komünist rejimi yerine „yeni aristokrasi" sınfı bulan Andre Jid bu „yeni aristokrasinin" ikinci nesilde para aristokrasisi haline geleceğini iddea ediyor.

Müellif despotizm ve bu despotizm önündeki yaltaklık ve köleliğe bir misal olmak üzre şunu anlatmaktadır:

Andre Jid Staline bir telgraf çekmek istemiş ve yazmıştır ki: „Ben Size müracaat etmege kalbî bir ihtiyac hissediyorum.„ Tercümeçi burada durmuş ve „Size" sözüne „milletlerin ve emekçi sınfının yolbaşçısı dâhi ve büyük Stalin" sözlerinin ilavesini teklif

etmiş ve Andre Jid bilmecburiye razi olduktan sonra telgraf gönderile bilmiştir.

Andre Jidin kitabındagi fikir ve mütalealarin canını teşkil eden bu sözleri dikkatle okumak lâzımdır.

„Halı hazırda SSSR-de kontrrevolusyon addedilen ruh, bir zaman yarım çürük çar dünyasını patlatan inkilâbçı ruhun ta kendisidir."

Stalin bu ruhu öldürmeke çalışıyor ve onunla mücadele ediyor.

Binaenaleyh vaz'iyet çarlık devrindekinin aynidir. Ve ayni neticeler dahi vereceğini iddea etmek çok yerinde olur.

Uzak-Şarktaki Edil-Urallılar arasında

(Nippon'dan mektub)

1921 yılındanberi Nippon'un Nagoya şehrinde ticaretle iştigal eden milletdaşlarımız yaşıyorlar. Harbinden, Haylardan ve Çinin başka taraflarından gelüb buraya yerleşen milletdaşlarımıza sonradan muhacerete çıkanlar da koşulunca, adedleri epeyice çoğalmış ve bunun üzerine aralarından birisini kendilerine imam seçerek yaşamaga başladılar. Bu suretle günden güne artan halkımız çocuklarına bir mekteb lâzım olduğunu hissederek 1933 yılında İmameddin Bay Mahmoy efendiyi muallimlige getirmişlerdir. Nagoya da mekteb açılınca başka yerlerden de hemşerilerimiz Nagoya göçtüler ve böylelikle cemaatımız bir kat daha arttı. Çocuklarımız şimdiye kadar kiraladığımız evde tahsil görüyorlardı. Fakat cemaatımızın bu şekilde artmasini nazara alarak bir mekteb ne mescid yapılmasını münasib bulduk. Bizi bu karara getiren âmil, büyük edibimiz ve yolbaşcımız Ayaz İshaki beyin Uzak Şarka gelerek millî, dinî hareketi canlandırması olmuştur. Bu karar verildikten sonra derhal faaliyete ve iane toplanılmasına başlandı. İsmettullah Haci Egerci efendi de bize 10 sene müddetle faizsiz karz yaptı. Bunun üzerine Mayis ayında inşaata müsaade alınarak Eylûl'da bir merasimle mekteb—mescidin yapılmasına başlanıldı. Merasime, Uzak Şark türk-tatarlarının dinî merkezinin reisi imam Şemunî hazret ve ahun Abdülâlim hezret Sıdıkı Hindistanlı Cenanblarile bütün Nippon'dan müsafirler davet edilmişti. Dua ve sinadan sonra Abdülâlim efendi tarafından uzun bir nutuk söylenmiştir. Çok parlak geçen bu merasim hakkında Nippon gazeteleri dahi epeyi yazılar yazdı. O gün akşam verilen ziyafette nutuklar söylendi, fotograflar alındı. İkinci ve üçüncü günü gelen müsafirlere hususî ziyafetler verildi.

Nagoya 16-IX-1936.

Muallim
İmadeddin Bay
Mahmoy.

Nippon Nagoyada yapılacak mescit-mekteb binasının temel atma merasiminde, alınmış resim.
Идел-Уральская колония в Нагоя (Ниппон) в день закладки фундамента под здание мечети и школы (сент. 1936 г.).

Тебо Карцати

„RETOUR DE L'URSS"

Еще совсем недавно, год тому назад, мы все были свидетелями кошмарной бури восторгов, расточаемых повсеместно по адресу „социалистического отечества"—„бастиона общечеловеческой культуры". Одновременно с этим предавался проклятию Берлин, осмелившийся предать огню „наиболее ценные произведения человеческого гения".

Барбюсс, Жид, Роллан, Мальро, Фрэнк, Хэкслей, Людвиг, Фейхтвангэр, Шоу — творили похвальные симфонии в честь Советов, а крикливая толпа сателитов дружно подхватывала мелодии своих патронов.

Это мощное славословие достигло наибольшего напряжения в июне 1935 г., на т. н. Международном конгрессе защиты культуры, созванном под протекторатом коминтерна.

На конгресс прибыли „архимастера культуры",— согласно определению Максима Горького—представители 35 стран, которые должны были защитить Европу перед натиском фашизма и предохранить ее от войны. Руководящую роль играли французы и „русские", в числе коих находились и Якуб Колас (белорусс), Лахути (таджик), Микитенко (украинец). Иные народы были представлены гораздо слабее. При этом нужно отметить, что англосаксонцы (Синклэр Льюис, Хэкслей) чувствовали себя не совсем удобно среди „авангарда защитников человечества" и не в состоянии были, несмотря на все старания, попасть в тон прочих участников конгресса. К тону собрания приспособился лишь старый Шоу, но, как известно, склонность к шутовству у ирландского весельчака прямо пропорциональна головоломности ситуации, в которой ему приходится выступать.

Духовное руководство собранием принадлежало Максиму Горькому, отсутствовавшему на конгрессе по болезни. Отсутствуя физически, он, по примеру христианских апостолов, переслал конгрессу эпистолу, в которой преподал энтузиастам культуры нижеследующую „правду“, долженствующую увенчать их коллективные усилия: „Настоящим гуманизмом является сейчас только гуманизм пролетарский, ставящий перед собой великую задачу: изменение всех социально-экономических основ в жизни нашего мира“.

Этот тон, данный певцом интегрального босячества, был лейт-мотивом выступлений Барбюсса, Жида, Мальро и Ж. Р. Блоха, вызвавших энтузиазм и получивших одобрение и благодарность в стране социалистического строительства.

И действительно, „защитники культуры“ заслужили эту благодарность. Конгресс осудил фашизм и противопоставил ему мрачное варварство советских достижений. В выступлениях участников конгресса советский режим был представлен в виде некоего исторического феномена, который своим появлением на арене истории разрешил все сомнения, угнетающие сторонников прогресса, дал им долгожданное „отечество социалистического гуманизма, обеспечивающего человечеству действительное освобождение и наиболее полное развитие его созидательных сил“. (Из резолюции конгресса).

Никто, пожалуй, в продолжении всей истории Москвы не говорил о ней так лестно и не представлял ее образа в таких ясных и привлекательных красках. Андрэ Жид, соперничая в размерах восторгов с Барбюссом, панегиристом Сталина, заявил, что ничто в нем не вызывает такого восхищения, как забота, проявляемая большевиками в деле... сохранения специфических особенностей малых народов, входящих в состав Советского союза, забота и уважение к их языку, обычаям и привычкам и даже к их национальным костюмам.

Но создателя „Подземелий Ватикана“ перещеголял Мальро — „мастер художественного слова“, говоривший о борьбе двух миров: пролетарского, где все цветет, и буржуазного, где „все гниет и извергает зловонный, постыдный дух“.

Так, вот, иногда дружным хором, а иногда в лирических ариях, состязались между собой видные мыслители современного человечества.

Конгресс закончился образованием „Бюро международной ассоциации защитников культуры“ — экспозитуры коминтерна среди большевизанствующей интеллигенции Западной Европы.

Московские участники конгресса вернулись к себе с чувством коми-вояжеров, которым посчастливилось заключить выгодную сделку, а на сцене того странного театра, каким, по определению Шекспира, является наш старый мир, начала разыгрываться идиллия коминтерновской королевны и влюбленных в нее либеральных трубадурах.

Феерия эта закончилась бы, быть может, сравнительно счастливым финалом по трафарету „happy-end“ американских фильмов, если бы Таинственный Режиссер, владеющий судьбами шекспировского театра, не преобразил безмятежную идиллию в грандиозный, небывалый скандал.

В результате, перед удивленными взорами зрителей произошла непостижимая, казалось бы, метаморфоза: вчерашние энтузиасты Советов оказались в роли кающихся грешников, страстно осуждающих свой недавний идеал.

И потому, если 1935 год является годом наибольших успехов коминтерна среди избранных верхов радикальной западно-европейской интеллигенции, то, зато, 1936 год знаменует начало перелома, предвещающего неминуемую убыль настроений, приведших эту интеллигенцию к парижскому конгрессу „защитников культуры“.

Не углубляясь в сложный комплекс явлений, ставших причиной противоестественного сотрудничества части западно-европейской интеллигенции с большевизмом, интересно установить те важные, по нашему мнению, общественно-политические моменты, которые в этом процессе сыграли не последнюю роль.

Андрэ Жид, Доржелэ,*) Селин, как равно и многие другие бывшие и сущие еще восхвалители советского режима, принадлежат к числу людей, которые ставят превыше всего идеал абсолютной свободы. Фашизм, предоставляющий отдельной личности низшую ступень в иеррархии духовных ценностей, является для них неприемлимым и нетерпимым. Фашистская действительность в их воображении представлялась в виде огромного концентрационного лагеря, где уничтожены все свободы и где человеческая мысль охвачена клещами принуждения.

Правда, это не значит, что Селин или Бенда, Жид или же Эптон Синклэр судорожно придерживались норм „старого мира“ — они лишь не могли выбраться из заколдованного круга собственных демолиберальных иллюзий.

Ибо все вехи, которые руководили ими в процессе творческой деятельности, направляли к социализму, заслонявшему другие пути, ведущие в будущее. На горизонте же избранного пути они видели мираж СССР — мираж „страны осуществленного социализма“.

Не удивительно поэтому, что многие на Западе ожидали чуда от большевистских экспериментов, и напряжение этого ожидания было тем большим, чем громче звучали национал-социалистические фанфары над Рейном.

Но это не значит, что либеральные конструкторы общественного мнения позволили себя обмануть. Большевизанствующая верхушка демолиберальной Европы сознательно не желала видеть многочисленных предостерегающих знаков. Она закрывала глаза, дабы как можно дольше сохранить желанные иллюзии.

Более уравновешенные англо-саксонцы смотрели на вещи гораздо спокойнее и, после московских опытов Уэллься 6 лет тому назад, значительно охладели к реализируемому в СССР коммунизму. Англо-саксонские „common sense“ и скептицизм позволили сохранить духовное равновесие и критическое самообладание даже на конгрессе „защиты культуры“.

---

*) Автор серии „покаянных“ статей о СССР в „Энтрансижан“ под заглавием: „Да здравствует свобода“ и „Разоблаченный обман“.

Хуже обстояло дело у галлов, не смогших обуздать свой темперамент и нервы. Французы составляли ударную колонну на парижском конгрессе, где экзальтированные идеалисты обнажали свои чувства перед циничной бандой агентов коминтерна. Трагикомедию конгресса они пытались превратить в манифестацию своих надежд и своей веры. Московскому коммунизму и революции приписывались свойства, никогда ими не обладаемые, и конгресс, наркотизируемый этой страстной аргументацией, превратился в собор, формулирующий программу утопистов о новом идеальном правопорядке будущего.

Чем же в таком случае об'яснить ту радикальную перемену, которую пережили год спустя виднейшие „конгресс-мэны", наиболее горячие защитники и исполнители коминтерновских директив?

Не следует думать, что перелом наступил спонтанически, что причиной его было разочарование нескольких видных участников конгресса, посетивших в последнее время СССР и непосредственно наблюдавших советские „достижения".

Уже задолго до „разоблачений" Андрэ Жида западно-европейское общественное мнение — инстинктивно, руководствуясь конструктивными рефлексами, — противопоставляло осторожную сдержанность бескритичным восторгам по адресу Советов.

Категорические формулировки Барбюсса, поддержанные Жидом, Мальро и некоторыми другими, не встретили безоговорочного признания со стороны большинства представителей западно-европейской либеральной мысли.

Эта часть либеральной общественности, решительно отвергая идею революционных, насильственных перемен, склонялась все более и более в сторону эволюционного европейского реформизма, ненавидимого сторонниками коминтерна. Среди нее раздавались предостерегающие голоса как против работы коминтерна, так и против русского большевизма. Даже перед и во время конгресса высказываемы были многочисленные сомнения по отношению этой коминтерновской акции.

В этом смысле высказался Уэлльс, Хэкслэй, Синклэр Льюис и т. д., а Бенда горячо защищал на конгрессе независимость мысли европейского гуманизма и его право критики.

Таким образом, эволюционно-реформистские течения в Европе, питаемые многовековыми традициями и опытом, оказались достаточно мощными и самостоятельными, чтобы не подчиниться безоговорочно директивам коминтерна и русского коммунизма.

Уэлльс или, скажем, Эптон Синклэр — автор „Co-op" („Кооперация"),*) проповедующий идею „социальных реформ без нарушения правопорядка" и утверждающий принципы общественной солидарности — являются бастионами, вокруг которых об'единяются те из радикализирующих либералов, которых поражают и отталкивают методы большевизма.

И если, несмотря на это, многие из них оказались в рядах „Междунар. ассоц. защиты культуры", пойдя по линии директив коминтерна, то это об'ясняется значением, которое придает фашизму европейский либерализм, боящийся новых веяний на Западе в неменьшей степени, чем большевизм. На почве, именно, этой боязни возникла „Междунар. ассоциация защиты культуры", являющаяся типичной разновидностью „единого фронта", об'единившая как безоговорочных энтузиастов коминтерна, так и достаточно умеренных представителей либеральной мысли.

Но идиллия ультралиберальной Европы с коммунизмом, как мы отметили, закончилась — закончилась скорее, чем это предполагалось, а главное, скандал возник там, где он менее всего ожидался.

После непосредственного соприкосновения со сталинской Московией наступило публичное покаяние трех столпов европейского „культур-большевизма": за „Retour de l'USSR" Андрэ Жида, появилась „Mea Culpa" Луи Фердинанда Селин, а затем серия обличительных статей Ролана Доржлэ в „Энтрансижан". Наиболее видные представители большевизанствующей мысли в Европе публично продемонстрировали свой отход от коминтерна и его метод „утверждения социализма".

Но главное в этом драматическом, в сущности, отходе заключается не в личных переживаниях его героев. Отход свидетельствует, прежде всего, о глубоком процессе, который переживается всей радикально мыслящей Европой, видящей еще недавно в Советах страну своих мечтаний: он предвещает начало окончательного краха в Европе утопии о „коммунистическом рае".

Непосредственное соприкосновение с советской действительностью позволило познать большевизанствующим либералам обнаженную правду большевизма.

Они воочию убедились, что „пролетарский гуманизм", созидаемый на основе материалистической философии, является фикцией. Лишив индивид всякого значения, диалектика большевизма создала из интегральной массы интегральное же хамство, где цель жизни свелась к удовлетворению низменных потребностей и к беспрерывной борьбе за кусок хлеба.

Большевизм не смог организовать жизнь даже в области самой материи: в его варварских руках гибнет все то, что и в мире машин является наиболее точным и нежным и требует усилий, хотя бы, в стиле Форда.

Но в море этой истинно-русской темноты и бессмысленности наибольшее отвращение должна возбуждать кучка самодовольных каботенов, вообразивших себя спасителями человечества и требующих от всех безграничного поклонения.

Неудивительно поэтому, что после поездки в сталинское царство невежества и произвола наступило излечение от всех иллюзий, и путешественники предстали в роли кающихся грешников, вопиющих: „Mea culpa!"

Европейский радикальный либерализм начал свой отход от утопий большевизма.

Харбин, 18 декабря 1936.

*) Upton Sinclair — „Co-op", New-York 1936.

Тадеуш Радваньский

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СССР И ПРОМЕТЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА*)

Согласно основным положениям прометейской идеологии, разрешение всего комплекса политических проблем Восточной Европы лежит в идее освобождения, при поддержке Польши, порабощенных в СССР народов и создании затем, при активном участии Польши же, блока балтийско-черноморских и других государств.

Эту идеологию исповедует Ориенталистическое Коло Молодых**) в полной уверенности, что только достижение такого соотношения сил в Восточной Европе отвечает насущным интересам польской политики и соответствует геополитической ситуации нашего государства.

Однако, уже в начале наших рассуждений возникает вопрос — так-ли это? Не являются-ли утверждения, проповедуемые нами, результатом влияния возвышенного и идеального лозунга: „за нашу и вашу вольность“ — порывом, быть может, благородного, но не считающегося с реальными условиями чувства симпатий к народам, завоеванным и порабощаемым превосходящими силами красных оккупантов?

Ответим на этот вопрос языком фактов.

Геополитическое положение нашего государства невыгодно во всех отношениях. Это не подлежит никакому сомнению и не нуждается в доказательствах. Поэтому отметим лишь, что расположение и характер границ нашего государства чрезвычайно невыгодны для нас не только там, где эти границы были нам навязаны, но и там, где мы сами их устанавливали, считаясь не столько с соображениями оборонительного характера, сколько с теми или иными политическими концепциями, диктуемыми тогдашним временем.

Учитывая, однако, это обстоятельство, не следует забывать о том, что протяжение границ и отсутствие на них естественных барьеров не представляет еще само по себе опасности.

Политическая ценность границ является ценностью относительной, зависящей от военного потенциала и силы соседних государств, мощи их экспансивных тенденций и направлений политического напора.

Поскольку речь идет о Польше, то напор на нее идет с двух сторон, с востока и с запада, при чем нужно признать, что напор с востока, в виду целого ряда специальных причин, является для нас особенно опасным.

Вспомним, хотя бы, захватнические стремления России, реализируемые под лозунгом „собирания земли русской”. Ведь вся история России является блестящей иллюстрацией ее империалистической сущности, выражающейся в тех многочисленных войнах, в результате которых она захватывала все новые пространства и покоряла все новые народы. Не надо забывать и того, что теперешние лозунги коммунизма, представляющего из себя доктрину универсального характера, гораздо лучше обосновывают империалистические намерения московских правителей и дают в их руки логически более убедительный идеологический фундамент для совершения новых территориальных захватов.

Момент этот вообще недооценивается польской общественностью. Находясь все время под сугестивным влиянием опасности с запада, со стороны Германии, мы забываем о нависшей над Польшей русской опасности, не учитывая того, что большевистская идеология дает большую динамическую силу для внешних завоеваний, значительно превосходя в этом отношении идеологию, вдохновлявшую захватническую политику царской России. Не учитываем мы и того, что против Германии мы можем найти и находим союзников, которые не только помогут нам задержать надвигающийся с этой стороны шквал, но и могут ему сами нанести решительный удар. Но, зато, едва ли мы сможем найти государство, которое хотело-бы нанести такой решающий удар идее „единой и великой России”.

Нельзя и мы не можем обходить постоянно молчанием факт существования в непосредственном нашем соседстве таинственного советского государства, которое, будучи отделено от всего остального мира все углубляющейся пропастью, постоянно проповедует у себя неизбежность борьбы с капиталистическим миром, внушая своим гражданам мысль о том, что „существование пролетарского государства среди капиталистического мира ведет к их неизбежному столкновению”.

Вот почему наше государство подвержено особенной опасности со стороны СССР. Наглядность этой опасности усиливается, если уяснить себе, какими огромными рессурсами актуальных и потенциальных сил располагает наш восточный сосед. Ясно, что силы эти могут быть в любое время брошены на чашу весов надвигающихся событий.

Определить в полном об'еме военный потенциал Советов — задача, естественно, не выполнимая. Однако, в контурах мы можем уловить и познать материальные элементы, составляющие, в совокупности с элементами морального порядка, общий военный потенциал, и на этой основе составить себе приблизительное понятие о его размерах в СССР. Следует отметить при этом, что мы умышленно исключаем из своих рассуждений элементы морального порядка, останавливаясь лишь на факторах матереальных, или точнее, экономических, ибо только эти последние измеримы и уловимы во времени и в пространстве и только на их основе могут развиваться

*) Настоящая статья, автор коей принадлежит к молодому поколению польской публицистики, была напечатана и в ж. „Wshód-Orient” (№ 4, октябрь—декабрь 1936).—Р-ция.

**) О. К. М. — организация польской молодежи, имеющая свои отделения во всех университетских центрах Польши.—Р-ция.

факторы духовного порядка. Анализ материальных факторов, позволяя нам познать и определить с достаточной точностью военный потенциал СССР, даст возможность определить и слабые стороны советской экономики, а вместе с этим и те средства, которые позволят нам использовать указанную слабость для нивеляции отрицательных сторон геополитического положения нашего государства.

Мы уже отметили, что военный потенциал государства есть равнодействующей целого ряда географических, хозяйственных и пр. элементов. К ним относятся: количество и плотность населения, густота сети путей сообщения, производство стали и железа и прочие виды промышленности, запасы сырья и их территориальное распределение, а также элементы духовного порядка—патриотизм, сознание конечной цели, культурный уровень масс и т. п. Эти последние моменты, как мы отметили, весьма трудно уловимы.

Хотя, нужно признать, вожди большевизма в полной мере оценивают значение моральных факторов при осуществлении милитарных целей и путем чудовищно развитого аппарата пропаганды стараются влиять на сознание масс, возбуждая в них активность.

Возвращаясь к экономическим факторам, следует напомнить, что ни в какую историческую эпоху не существовала такая тесная связь между хозяйственными и милитарными силами народов, как это мы видим в настоящее время. Осознание необходимости такой связи настолько всеобще, что всюду государства всячески стремятся обеспечить себя соответствующими запасами сырья, необходимого для военных целей, и расширяют прежде всего те отрасли промышленности, милитарное значение которых особенно велико. При этом все учитывают значение надлежащей подготовки как хозяйственно-экономических, так и общественно-политических и милитарных факторов — короче говоря, всего государственного организма.

Не предвещая сроки надвигающейся войны, мы лишь констатируем небывалую интенсивность, с которой государства подготавливаются к этой войне в настоящее время.

С исчерпывающей ясностью вопрос такой подготовки был поставлен в СССР. В решениях XV с'езда ком. партии мы читаем: „Учитывая возможность военного нападения на страну пролетариата со стороны капиталистических государств, необходимо при разработке пятилетнего плана обратить максимальное внимание на быстрое развитие тех отраслей народного хозяйства вообще, а промышленности в особенности, которые должны сыграть главную роль в деле защиты нашей страны и ее хозяйственной устойчивости во время войны."

Коротко и ясно.

Из иных источников мы знаем, что обе пятилетки должны были, прежде всего, повысить военную мощь СССР и этим путем изменить в пользу Москвы соотношение сил между советским государством и другими странами.

Немного выше мы уже отмечали, что одно из важнейших мест, если не наиболее важное, среди материальных факторов, определяющих мощь военного потенциала, занимает проблема сырья. Международная борьба из-за нового раздела сырьевых баз, которая в последнее время опять усилилась, убедительно и ясно подчеркивает значение этой проблемы.

В отношении запасов сырья СССР находится в исключительно благоприятном положении. На своей территории советское государство обладает достаточным количеством сырьевых продуктов, которые имеют решающее значение при необходимой в случае войны экономической мобилизации. Продукты эти в основном следующие: уголь, железные руды и двигательное топливо (нефть и ее продукты). То же самое можно сказать и относительно большей части других продуктов. Некоторый недостаток ощущается лишь в каучуке (производятся опыты замены его суррогатами), вольфраме, олове и никкеле.

Продовольственный вопрос в СССР во время войны сведется к разрешению вопросов, связанных с организацией транспорта и распределением продуктов питания.*)

Наличие огромных запасов сырья дает нам право утверждать, что СССР обладает высоким военным потенциалом. Потенциал этот еще более усилится по мере развития промышленности, опирающейся на сырьевых базах внутри государства. Таким образом, опасность, угрожающая Польше со стороны СССР, с течением времени еще более усилится.

Для получения более полной картины материальных возможностей нашего восточного соседа следует еще рассмотреть территориальное распределение советских источников сырья. И здесь-то рассматриваемая нами проблема тесно соприкасается с прометейской проблемой.

В области территориального распределения сырьевых баз в СССР наблюдается весьма интересное для нас явление. Оказывается, природные богатства находятся там почти целиком на землях, населенных не-русскими народами. В результате, поскольку СССР в целом имеет блестящие условия для экономического развития, постольку этнографическая, действительная Россия не обладает столь благоприятными условиями. Этот момент заставляет Россию судорожно держаться захваченных ею земель. Но как только она лишится земель порабощенных ею народов и на этих землях будут созданы независимые государства: Украина, Кавказская Конфедерация, Идел-Урал, Крым и другие страны, то она лишается и своих огромных баз сырья и это, несомненно, значительно ослабит ее военный потенциал. Ясно, конечно, что в этом случае соотношение сил решительно изменится в нашу пользу.

Россия без украинского угля, руд и хлеба, без кавказских нефти, марганцевых и медных руд, без туркестанского хлопка — не представляет уже из себя такой силы, какой она является в настоящее время. Поэтому правы те, которые считают, что безопасность Европы нуждается в полной консолидации европейских государств и требует распада СССР, ампутации его составных частей как на за-

*) Эту точку зрения автора мы не разделяем, так как СССР до сих пор не может выйти из состояния хронического недохвата продуктов продовольствия, а в особенности мясных продуктов, сахара, хлеба и т. п. — Р-ция.

паде, так на юге и востоке. Это одна сторона медали. Но существует еще и другая сторона.

Окраины СССР располагают главнейшими натуральными богатствами, а население этих окраин составляют порабощенные Россией народы. Факт этот имеет огромное значение. Он, во-первых, составляет одно из реальных оснований, стимулирующих освободительные стремления порабощенных народов. Во-вторых, он и нам дает гарантию, что государства, которые возникнут на развалинах советской империи, будут обладать вполне достаточной политической и экономической мощью и в роли союзников Польши значительно усилят наш военный потенциал.

Правда, мы сознаем, что в наших выводах мы упрощаем рассматриваемый вопрос, но тем не менее из нашего краткого обзора неопровержимо следует, что в войне с Россией, наряду с чисто военными средствами, громадную роль будут играть и средства политические, берущие свое начало в геополитическом положении Польши и СССР. Только отрыв от России материальных баз ее мощи позволит нам сохранить себя и освободит нас от вечной угрозы быть раздавленным под одновременным ударом наших соседей с востока и запада.

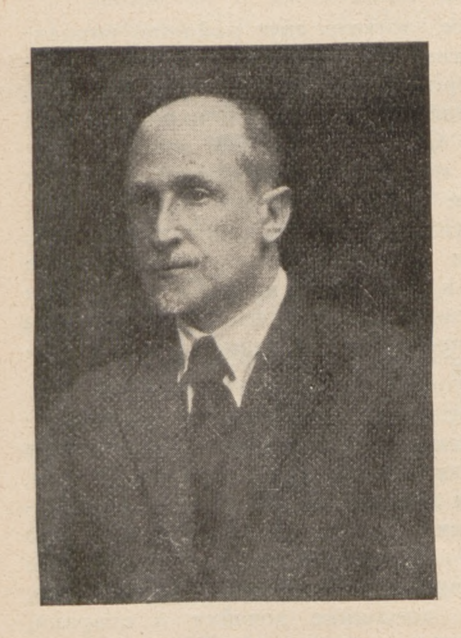
Это, именно, и есть наш конструктивный план нейтрализации отрицательных сторон нашего геополитического положения — план, который ставит ясные цели, указывая одновременно пути и способы их реализации.

Следовательно, программа прометеизма — это не продукт сентиментализма и не результат заинтересования экзотикой народов восточной Европы; это — наступательный план, опирающийся на реальной оценке соотношения сил, это — концепция, предусматривающая жизненные интересы как Польши, так и народов, пребывающих под игом красной Москвы. План этот соединяет в себе идеалистический лозунг „за нашу и вашу вольность" и реальные политические веления.

ЛЕОН ВАСИЛЕВСКИЙ

10 декабря 1936 года в Варшаве скончался Леон Василевский, виднейший деятель польской освободительной борьбы, верный друг угнетаемых Россией народов, блестящий писатель, публицист и политик.

Покойный родился в Петербурге в 1870 г. Окончив одну из петербургских гимназий, он продолжал свое образование в Львовском и Пражском университетах. Здесь же он начал активную политическую и публицистическую деятельность, примкнув к социалистическому течению.

1936 nın 10 İlk kânun'unda veraf eden Lehistan millî kurtuluşunun ileri gelen hadimlerinden ve kafkasya milletlerinin dostu
LEON VASİLEVSKİ
ЛЕОН ВАСИЛЕВСКИЙ

В 1896 году Леон Василевский переезжает в Цюрих, где вступает в ряды Заграничного Союза Польских Социалистов. В 1897 г., на с'езде этого Союза в Лондоне, он избирается в Ц. К. Союза, который вскоре был преобразован в Заграничный Комитет Польской Социалистической Партии (П. П. С). В рядах этой партии Леон Василевский пребывал до дня своей смерти, занимая пост вице-председателя Главного Совета партии.

Заграничный Комитет П. П. С. поручил Леону Василевскому редактирование журнала „Предсвит" (Przedświt")—органа, посвященного партией идеологическим и теоретическим вопросам. В 1903 году покойный переезжает с редакцией „Предсвита" в Краков, откуда совершает частые нелегальные поездки в Варшаву, Вильно, Петербург и Москву, выполняя партийные поручения. С этого времени он тесно сотрудничает с Юзефом Пилсудским, занимая ответственнейшие посты в возглавляемом Пилсудским освободительном движении.

В возрожденной Польше Леон Василевский входит в состав первого правительственного кабинета, состоя в нем министром иностранных дел. Затем он был послом в Эстонии, членом мирной делегации, подписавшей Рижский трактат, председателем смешанной пограничной комиссии, установившей польско-советскую границу, а с 1926 председателем польской делегации в комиссию по установлении польско-румынской границы.

Публицистическое наследство, оставленное покойным, огромно. Для характеристики размеров этого наследства достаточно сказать, что Леон Василевский в продолжении своей жизни редактировал свыше 20 периодических изданий и сотрудничал в более чем 70 журналах и газетах, выходящих на 10 языках. Наряду с этим он написал целый ряд монографий, книг и брошюр, посвященных в значительной части национальным проблемам в Европе, которые были им изучены в совершенстве.

В 1928 году в краковском „Пшеглёнд Вспулчесны" он поместил обширную статью, посвящен-

ную национально-освободительным движениям народов Кавказа и Туркестана, в которой значительное место было уделено и Северному Кавказу. Статья эта, написанная с большим знанием предмета, наглядно свидетельствует о том, как обширен был круг заинтересований покойного и насколько глубоко и старательно он вникал в сущность разбираемых им проблем.

Прекрасно разбираясь в проблемах угнетаемых Россией народов, Леон Василевский твердо верил в их конечное освобождение, являясь в Польше одним из виднейших выразителей прометейских идеалов. Благодарный „Прометей" избрал его своим почетным членом.

Мир его праху!

Догуж

Еще о „коммунистах-националах"

В прошлом номере нашего журнала, говоря о „буржуазном национализме" среди кавказских коммунистов,*) мы коснулись, на примере парторганизаций Урванского района в Кабардино-Балкарии, и некоторых явлений бытовой, повседневной жизни кавказских „коммунистов-националов"**), выявив, что в бытовом отношении, в своей повседневной жизни, наши отечественные коммунисты стоят совершенно в стороне от тех процессов и заинтересований, которые переживаются ВКП (б) в целом. Таким образом, между массами „коммунистов-националов" и русским партийным руководством существует такая же бытовая обособленность, какая существует между вообще всей массой коренного населения и русскими колонистами. В результате, даже национально пассивные „коммунисты националы", свободные от всяких признаков „буржуазного национализма", автоматически, так сказать, противодействуют уравнительно-руссификаторским стремлениям советской власти. Положение напоминает времена царизма. Лойяльность в отношении представителей русской власти и сейчас покоится у большинства не на внутреннем убеждении, а лишь на оппортунизме и некоей привычке. Там, где можно обойти распоряжение властей, это делается со спокойной совестью, как должное. Ввести в заблуждение представителя власти — не считается грехом, ибо, в конце концов, и для коммуниста-кавказца советская власть остается прежде всего русской властью.

Интересный пример такого отношения к власти дает постановление северокавказского крайкома от 26 декабря 1936 года. Постановление касается порядков, царящих в коммунистических организациях Ачалукского и Атагинского районов Чечено-Ингушетии (ныне Чечено-Ингушской АССР).

„На основе проверки,—говорится в постановлении – проведенной отделом пропаганды и агитации, крайком ВКП (б) устанавливает, что многие колхозники и единоличники Ачалукского и Атагинского районов, в том числе даже из сельского и колхозного актива, ничего не слыхали о новой конституции, о преобразовании Чечено-Ингушской области в республику, до сих пор не знают, что был чрезвычайный с'езд советов, принявший новую конституцию СССР. Тем более трудящиеся этих районов не получили раз'яснения об изменениях, внесенных новой конституцией. Раз'яснение важнейших решений партии и правительства и событий внутренней и международной жизни райкомами не ведется. В ауле Нижние Ачалуки никто, в том числе и руководители совета и колхозов, не выписывают и не читают газет. Колхозники ничего не знают о процессе над террористической троцкистско-зиновьевской бандой, о суде над вредителями-троцкистами в Кемерово*) и не имеют никакого представления о событиях в Испании. Враждебная и контрреволюционная агитация в ряде случаев остается не разгромленной и не разоблаченной, в результате чего некоторые колхозники, например, считают, что лишение избирательных прав зависит от парторга".

Таким образом, жители двух районов, находящихся в непосредственной близости от такого промышленного и „пролетарского" центра, как гор. Суюндж-Кала (второй по значению центр нефтяной промышленности в СССР, свыше 200 тыс. населения), оказались в положении жителей отдаленного острова, годами не сообщающегося с материком. Даже такие события советской действительности, о которых говорил и писал весь мир, а больше всего говорилось и писалось в СССР, им были неизвестны. Воистину, восхваляемая организация большевистского „пропагита" в данной случае оказалась ниже всякой критики.

„В тоже время — продолжает постановление — ачалукский райком сообщил обкому ВКП (б) очковтирательские сведения о том, что в каждом колхозе и совете района выделены докладчики, агитаторы и беседчики, что докладчики и агитаторы проинструктированы лично секретарем райкома, что трудящиеся, в том числе домашние хозяйки и старики, поголовно охвачены политико-раз'яснительной работой."

---

*) См. статью „‹Бурж. национализм› на Кавказе" — „С. К.", № 31.

**) Между прочим, этот весьма употребительный в недавнем прошлом советский термин в настоящее время почти совершенно исчез со страниц большевистской печати. Вероятно, „гениальный вождь человечества" решил, что „националы" уже не существуют в „стране единого советского народа."

*) Речь идет о т. н. сибирском процессе, имевшим место после процесса Зиновьева и К-о.

Как видим, типичный пример „наплевательского“, говоря языком советских реляций, отношения райкомов к своим обязанностям. Отношение это совсем не свидетельствует о большевистском пафосе руководителей Ачалукского и Атагинского районов, как не свидетельствует оно и о том, что жители указанных районов в какой-либо мере интересуются официальными советскими сенсациями. В этом отношении между большинством с. к. коммунистов и массами подневольного народа существует полная гармония. Этим об'ясняется и факт, что на Северном Кавказе во главе нацпарторганизаций (секретарями обкомов ВКП(б)) состоят русские коммунисты. Исключение составляет лишь Кабардино-Балкария, руководимая лойяльнейшим подхалимом Беталом Калмыковым. Непродолжительный опыт с „националами“ в роли секретарей обкомов ВКП(б), проведенный в Дагестане и Северной Осетии, оказался неудачным. Сейчас в Дагестане, вместо Нажмуддина Самурского, правит уже некий Сорокин, в Северной Осетии, вместо Казбека Бутаева, — Маурер (в Чечено-Ингушетии секретарем обкома—Егоров, в Черкессии — Казачков и т. д.).

Аналогичные упоминаемым выше факты цитирует некий В. Бессонов, состоящий секретарем партколлегии КПК (комиссии партийного контроля) по Северной Осетии („Прол. Осетии“ 25-XII-36). И в его освещении среди „коммунистов-националов“ процветает игнорирование директив высших партийных органов, очковтирательство, взаимное укрывательство и т. п.

„Практика работы — пишет он — Северо-Осетинской партколлегии по разбору апелляций показала, что не всеми райкомами и первичными парторганизациями соблюдается в полной мере устав партии, не всеми парторганизациями выполняется в достаточной степени решение III пленума КПК при ЦК ВКП(б) о наложении партвзысканий на коммунистов. Некоторые первичные парторганизации перестали разбирать на общих собраниях проступки членов партии, а свели свою задачу только к обсуждению на узком заседании парткома. Более того, райкомы ВКП(б) сами обсуждают на бюро проступки членов партии, занимаются укрывательством“...

Немного далее Бессонов иллюстрирует сказанное фактами:

„Парторганизации должны воспитывать членов партии в духе большевизма, чтобы не получались такие случаи: Икаев Лади в автобиографии скрыл свою принадлежность к контрреволюционному троцкизму и связь с начальником карательного отряда белой армии — своим родным братом полковником Икаевым Дебо („сын за отца не отвечает“ — сказал не так давно „великий и гениальный“, но это, видно, не значит, что „брат не отвечает за брата“—Д.). И вот нашлись ротозеи, как Саламов Г., Зангиев А., Амбалов Х., Тлатпов Б. и Кулаев К., которые заверили верность этой автобиографии своими подписями“.

В результате, „ротозеи партколлегией строго наказаны“, ибо они „мешали борьбе партии за очищение своих рядов от контрреволюционных троцкистов и классово-чуждых элементов“.

„Или вот факт,— продолжает Бессонов — который заслуживает внимания всей партийной организации. Парторганизация Азово-Черноморского края исключила из партии Черджиева Хаджибатыра, уроженца селения Дзуарикау, Орджоникидзенского района, за то, что он, проживая в 1920—23 г.г. в Северной Осетии, скрывался в лесах и, наконец, сбежал неизвестно куда и сейчас находится в бегах как убийца, вор“.

Материал этот на Черджиева подали члены партии Черджиев Ганте и Тотров Муради, проживавшие в то время в селении Дзуарикау. Первый был секретарем комсомольской ячейки, а второй председателем ревкома. Таким образом, Черджиев Хаджибатыр представил Азово-Черноморской партколлегии целый ряд характеристик, выданных организациями и отдельными членами партии, характеризующих его с хорошей стороны“...

Далее Бессонов описывает, как все это раскрылось, в дело вмешался РОНКВД и „виновные“, Тотров Муради и Черджиев Ганте, были исключены из партии („как клеветники, обманщики и двурушники“) и, по всей вероятности, попали в подвалы НКВД.

„Парторганизации — пишет Бессонов в заключении — должны вместе с тем (вместе с „поднятием чувства ответственоости“ у членов партии — Д.) проявить большевистскую беспощадность ко всякого рода проявлениям классово-чуждых и враждебных элементов, к контрреволюционным фашистским наймитам троцкистам, зиновьевцам, правым оппортунистам, двурушникам, обманным путем пробравшимся в партию. С этой задачей можно справиться, если вовлечем в борьбу поголовно всю парторганизацию.“

По нашему же, с этой задачей большевикам не справиться, ибо в условиях Кавказа „вовлечение в борьбу поголовно всей парторганизации“ — не осуществимо! Кавкасские „нацпарторганизации“ состоят в большинстве или из „буржуазных националистов“, или ныне „троцкистов“, или же из оппортунистов, при всяком удобном случае оказывающих „пассивное сопротивление“ мероприятиям большевистских властей.

А. Кундух

„САТАНА“ ИЛИ „SÆTANÆ“?*)

В статье „Герои нартовских сказаний“ (№ 24 „Сев. Кавк.“), автор, г. Æsson, указывает на „кажущуюся неблагонадежность имени Сатаны (нартовской героини—А. К.) из-за фонетической близости с именем дьявола — Сатаны семитского“...

Подобная русская транскрипция имени главной героини нартовского эпоса может навести исследователей на такую, напр., мысль, что если у иронов (осетин) имя Сатаны играло такую выдающуюся роль еще во времена их праисторического бытия, то они несомненно были знакомы с культом Сатаны— дьявола, равно как были, возможно, во многом родственны семитам, что уже допускал, оперируя подобными „семитизмами“, д-р Пфафф, позволивший себе вплести не одну научную чушь в научные данные об иронах. Это же обстоятельство может вызвать и попытки связать духовные воззрения иронов с таковыми же у, напр., езидов, культ дьявола у которых уже бесспорно установлен наукой.

Для отвращения подобных ошибок и искажений, необходимо высказать пожелание, чтобы при транскрипции имен и некоторых специальных терминов с горских языков на русский (или иной) приводилась и их настоящая фонетика на родном языке, как равно и их значение на этом же языке. Это даст возможность правильной научной ориентировки тем из исследователей, которым по причине слабого знакомства с нашими (горскими) языками трудно уяснить подлинную суть, содержащуюся в этих языках.

Придерживаясь такого порядка приведения имен, выяснится, что по ironски имя этой героини нартов звучит не как русское Сатана (дьявол), а несколько иначе — „Sætanæ“, или в более грубом, народном произношении, Šætanæ. Как видим, разница в произношении .русской транскрипции и иронской оригинальной формы существует довольно заметная, а вообще было бы правильнее говорить не о фонетической близости иронской „Sætanæ“ с семитическою, а о близости морфологической, без родства семантики, этих имен. Если же встречаемся с необходимостью приведения русской транскрипции иронской „Sætaæ“, то более правильным и блиским по созвучию является „Сетанэ“, а не Сатана.

Что иронское имя нартовской героини звучит именно как „Sætanæ, в русской же транскрипции—Сетанэ, известно каждому ирону, коему приходилось слушать нартовский эпос из уст народных певцов в ущелиях нагорного Иристана (Осетии), где сохранились наиболее архаические формы этих „kadæg“-ов, т. е. древних преданий. Не лишним будет и упоминание о том, что само слово „kadæg“ означает „славословие“ от корня „kad“—слава, из чего следует, что нартовские „kadæg“-и, — это песни о прошлой славе.

Кроме этого, имя „Sætanæ“ сохранилось еще и в древнейшей иронской хоровой песне „Sætanæi zaræg“ — песня Сетанэ, починающейся словами:

„Soj, Sætanæ, soj dæ kuræm“...

т. е. „Жира, жира просим у тебя Сетанэ“, причем под именем Сетанэ подразумевается обыкновенно каждая хозяйка дома, у которой хор (гости на свадьбах и других торжествах) просит накрывать обильный стол, ибо само слово „soj“ (сой), буквально означающее топленное баранье сало или жир, здесь приобретает значение обилия. Эта песня, судя по всему, сохранилась еще со времен нартов и как сама по себе, так и обстановка, в которой она исполняется (круговой хор, в котором поющие держат друг друга под руки, исполняя и ногами известное движение — своеобразный хоровой же танец), дышит не менее глубоким архаизмом, чем и сами нартовские сказания.

Далее автор той же статьи приводит имя Арахцау. Арахцау, или точнее Aræxcau, от которого происходит и более испорченная его форма— Aræxdzay, по ironски означает „часто путешествующий“, „часто ходящий.“ Но имеют-ли такой же ясный и определенный смысл приводимые так же греческое „Ерехтеу“ и адыгейское „Ирыхшау“? Что адыгейское Ирыхшау происходит от иронского Aræxcau, в этом нельзя сомневаться, но не есть-ли и греческое Ерехтеу (Erehtheus) такою же, лишь немного измененною, формою иронского Aræxcau? Если да, а иначе и быть не должно, если судить по их морфологии, то сам по себе раз'ясняется вопрос о том, которое из этих имен более архаично, заключает в себе более значимое, по существу обстановки, содержание и послужило отправным источником для других.

* * *

В статье же „К вопросу о нартовском эпосе“ (№ 20 „Сев. Кав.“), г. Æsson приводит, между иными, следующую цитату из статьи А. Кубалти о нартах:

„В нартовских сказаниях осетин упоминается место „Зилахар“, место сборищ для игр и состязаний, но нигде не говорится о том, где находится этот „Зилахар“. Такого места на Кавказе нет. Зато в поэме „Рустем и Зораб“ Жуковского (заимствованной из „Шах-Намэ“) есть город Истахар, столица Ирана. Следовательно, по созвучию, по значению и потому еще, что наши предки (осет.) были колонистами Ирана, надо заключить, что Зилахар есть искаженное Истахар“.

Æsson отвечает следующим:

„Зилахар—возможно и есть искаженное Истахар. Трудно говорить о том, что неизвестно, тем более, что на Кавказе вообще существует не мало персидских и арабских литературных трудов в виде осколков, часто до того искаженных, что в них трудно узнать подлинное. Не отрицая, таким образом, идентичности (искаженной) Зилахара с Истахаром

*) Печатание этой статьи, полученной редакцией в августе т. г., задержано было по техническим соображениям.— Р-ция.

поэмы „Шах-Намэ", все же нельзя принять в качестве решающего первое и второе соображение автора, т. е. схожесть по созвучию и значению. Что же касается третьего, т. е., что предки осетин были колонистами Ирана, то следует отметить, что в исторической науке утвердился тот взгляд, что иранцы в северном Причерноморье вообще и на Кавказе в частности вовсе не были колонистами, а наоборот, автохтонами, покрайней мере настолько же, насколько Арианемведжо, родина самого Зороастра, была автохтонной для иранцев. Кстати сказать, имя Зороастра*) напоминает у осетин бога Барастура, бога обилия — следует-ли отсюда, что они идентичны?"

Вряд-ли у г. А. Кубалти, природного ирона, могла-бы возникнуть мысль об идентичности Зилахара, места народных игр и состязаний нартов, с Истахаром, столицею древнего Ирана, если бы в науке не укрепилось ошибочное предположение о том, что ироны суть выходцами из Ирана. Но мнение именитых ученых, каково бы оно подчас ни было, имеет все же свое влияние и на исследователей из иронов, в данном случае на А. Кубалти, также выводящего иронов из Ирана, чем и об'ясняется его стремление отождествить Зилахар с Истахаром, в которых вторая половина, „ахар", действительно может ввести в некоторое заблуждение. Но эта общность оказывается совершенно случайною. Случайною потому, что „Истахар" является неправильною и произвольною транскрипциею с иранского названия этой столицы, подлинное и правильное начертание которой в иранской научной литературе состоит из следующих арабских букв: „алеф", „син" (иногда ставится и „сад"), „те" (изредка же вместо „те" ставится „та"), „ха" и „ре", т. е. одна гласная (алеф) и четыре согласных, между которыми, в оригинале, не имеется ни одного „а". Но и начальное „алеф", преобретающее здесь звук „и" (в силу особого закона буквы „син" в иранском языке, с которой начинаются некоторые слова, здесь возникает, условно, звук „и" при помощи постановки „алеф" перед корнем слова, начинающегося с „син"), является лишь не существенного значения приставкою к букве „син", без которой его вообще не было бы в составе этого слова. Словом, наиболее правильною, как по фонетике, так и морфологии, транскрипциею данного иранского названия древней столицы Ахеменидов будет: иронское „Istæxr", или русское „Истэхр", ибо даже буква „æ" (в иронском), или „э" (в русском), фактически отсутствующая между буквами „те" и „хе" иранского оригинала, возникает здесь лишь фонетически (отсутствуя в морфологии) только благодаря наличию над буквою „те" (или „та") значка, называемого „фетхе".

Этот „Истэхр" как во всем Иране, так и в точном переводе на любой язык, означает, вполне определенно, „водоем", „пруд", „большой бассейн". По отношению же к древней столице Ахеменидов название это применяется постольку лишь, поскольку в те времена в самой столице, или вблизи нея, находился неизбежный, при здешнем климате, Истэхр, — водоем или бассейн, без которого не могут обходиться не только населенные пункты вообще, но и отдельные дома. И, конечно, лишь наличие значительного, по размерам, Истэхра послужило поводом к тому, что память о главной основе здешней жизни, — значительном же запасе воды, — сохранилась до сих пор наряду с остальными именами этой столицы: „Парс",*) „Персеполис", „Пасаргад" и „Тахты-Джемшид".

Следовательно, что же остается „идентичного" между Зилахаром и Истахаром? Первое — это место народных игр и состязаний древних нартов, второе же означает иранское „водоем", или „бассейн больших размеров" и пишется, к тому же, не как „Истахар", а как „Истэхр". Для большей ясности укажем еще, что, говоря о нартовском Зилахаре, в преданиях обыкновенно упоминается о „Zilaxary bydyry", или „Zilaxary fæžy", т. е. „в степи (на плоскости) Зилахара", или, во втором случае, „на равнине Зилахара".

В „Зилахар" мы имеем, судя по всему, два корня: „зиль" и „ахар". Первое входит во многие производные, как-то „zild" (или „zyld") — окружение, круг; „zilyn" — кружиться, обходить кругом; „zilag" — кружащийся; „zilgæ" — окружаемое, окружающееся (название села на правом берегу Терека) и т. д. Но что означает „ахар"? Нам неизвестно, но по всей вероятности оно имело какое-то определенное значение, смысл которого нам не достаточно ясен. Вряд-ли оно имеет что либо общего со второю частью иранского „истэхр", т. е. с „эхр", неотделимого от первой части этого слова и в отдельности вообще ничего не значущего.

Было-ли это „Зиль-ахар" круглым городищем, круглою равниною или местностью, или еще что либо в виде „круглого стола", если сравнивать „ахар" с корнем „xær", — встречаемом в значениях еды, пищи? Или оно было близко к значению „sæhær" — город (по иронски), „šehr" — также город (по ирански)? Трудно сказать, тем более, что в науке есть указание, что и „šehr" у древних иранцев первоначально означал не город, а вообще страну, местность. В Иране, на север от Тебриза, имеется еще городок „Ahar", но местоположение городка не соответствует понятию о „Zilaxary bydyr", или „Zilahary fæž", т. к. местность здесь отличается гористостью и неровностью.

Если бы древние ироны были выходцами из Ирана и если бы нарты когда-либо пребывали вблизи этого „Истэхра" — водоема, то выйдя отсюда на далекий север, они несомненно унесли бы с собою неизгладимое воспоминание об этом водоеме, ангеле-хранителе их средоточия национально-го-

*) „Зороастр", это — испорченная греками форма имени этого пророка, правильное, иранское, произношение которого звучит „Зертошт", из чего видно, что с иронским Барастуром оно мало сходно. А. К.

*) Ученые склоняются ныне к тому, что древнейшим наименованием этой столицы было Парс, а отсюда и греческое Персеполис. Кроме того, сюда же приурочивается и Пасаргад, правильною протоформою которого, как полагают, было „Парс-Герд" (ср. с иными арийскими аналогами этого „герд" — „kært" (иронское), „gard" (германское), „grad" (славянское) и т. д.). Таким образом, название „Истэхр" остается как бы в стороне, относясь непосредственно к запасам воды, хранившимся в этом „Истэхре", роль которого все же не уменьшается.

сударственной жизни. В таком случае нартовские сказания были бы переполнены описанием событий, происходивших не на берегу „furd“-а, или „ford“-а,*) как это мы встречаем в них, а на берегу Истэхра, или даже допустим, „Истахара“, иранскаго. Но этого, как нам известно, нет.

Итак, ни „по созвучию“, ни „по значению“ нельзя утверждать об идентичности Зилахара с Истэхром. Но не эти „созвучие“ и „значение“ играют решающую роль в вопросе, заставившем нас обременять внимание читателя столь пространною речью об этом злополучном „Истахаре“. Дело в том, что Иран является страною весьма маловодною (исключением являются Мазандаран и Гилян на Каспийском побережье) с сухим, жгучим климатом. Уже при самом воспоминании о смертью дышашей Великой соляной пустыне Лют, занимающей огромные пространства в самом центре Иранского плато, человека невольно бросает в дрожь — это ад, это гибель. Правильно выражаются европейцы, имевшие несчастье познакомиться всего лишь с окраинами этой смертоносной пустыни в летний период, когда говорят, что „это пустыня, в которой воздух буквально горит, пылает пламенем!“ Вот почему в памяти иранского народа на всем протяжении его исторического, иранского, бытия климат и география страны запечатлелись тысячами специфически „иранских“ фактов — воспоминаний, да и само это благодатное явление „Истэхр“ есть ничем иным, как прямым последствием безводия и зноя страны.

Но в противовес знойному южному климату иранских преданий иранцев, т. е. преданий возникших с момента прихода иранцев в нынешний Иран, — климат до-иранских преданий иранцев определенно указывает на то, что они создавались в условиях сурового холода севера, обильного снега и льда.

Каковы же климат и география нартовских преданий?

Нам известно, что в нартовских преданиях нет никакого следа—воспоминания о какой бы то ни было пустыне Лют, как равно вообще о знойном климате Ирана. Зато предания эти переполнены указаниями на суровый климат севера, как и пересеченную местность, изобиловавшую более или менее параллельными горными хребтами: тот или иной нартовский герой сплошь и рядом переваливает через семь горных хребтов. „Avd æfcægyl axysti“ — перевалил через семь перевалов, — вот что часто упоминается в нартовском эпосе. В отношении же климата: самой Сетанэ не раз приходится кричать на мальчика, жмущагося к костру домашнего очага до такой степени, что ноги его погружены в горячую золу, а сам он так и прозван — „Fænyk-guž“—стерегущий золу, или золоухий. Отдалившись же от очага, мальчик вынужден дуть на свои коченеющие пальцы, дабы дыханием согреть их.

Помимо холодного климата, нартовские предания богаты и обилием воды: как несчастны были бы Дон-Беттиры иронских сказаний (собственно „Dony—Byttyr—tæ“—водяные духи), если бы, по воле выводящих иронов из Ирана, им пришлось бы пребывать в безводном и горячем климате Ирана (в раскаленные пески пустыни дочери водяного царя куда труднее было бы нырнуть!) и как тяжело было бы нартовскому Созырыко замораживать (даже зимою!) „в недельном льду“ великана Ельтагана, если бы он вынужден был привести это в исполнение в теплом климате Ирана!..

Словом, не на знойном юге возник культ домашнего очага (огня вообще), а на холодном севере, хотя корни этого культа вообще уходят в обстановку ледникового периода.

* * *

Науке известно, что иранцы явились на свою нынешнюю территорию всего лишь, приблизительно, за две тысячи лет до Р.Хр. Было время, когда для исторической хронологии эта дата принималась за начало истории человечества, но ныне уже „заря истории“ отодвинута чуть-ли не к концу каменного века (8—9 тысяч лет тому назад), поэтому время прихода иранцев в Иран считается теперь исторически свежим явлением. Следовательно, и иранская история, разыгравшаяся на самой территории Ирана, должна быть довольно ясною, тем более при наличии таких культурных, „письменных“ соседей, каковыми были греки, ассирийцы, вавилонцы и др. Оно так и есть: начиная с Ахеменидов, история Ирана приобретает довольно ясные очертания, благодаря различным записям событий чисто иранского характера, т. е. тех событий, которые имели свидетелями современников здесь, на месте, или у ближайших соседей.

Характерно, что при более точном ознакомлении с этою частью истории невольно бросается в глаза следующее интересное явление: между этими историческо-иранскими событиями и, напр., иронскою мифологиею, преданиями и историею нет почти никакой связи.

Но есть иная часть иранской истории, это та, которая относится к древнейшей, до ахеменидской истории Ирана: здесь можно заметить малое число героев этой истории и... весьма много деяний, им приписываемых, причем деяния эти охватывают такие значительные периоды времени, что народная память, в лице, напр., Фирдоусия, как и его предшественников, не нашла иного выхода, как только приписать этим шахам из династий Пишдадианов и Кейанидов по несколько сот лет царствования — иначе они не могли бы прикрыть и охватить своими персонами столь громоздкий исторический материал.

В этой части истории переплелись, весьма сложно, события и легендарного характера факты так, что сбиться с пути научной действительности не трудно и любому эрудиту-историку, а не только рядовому исследователю. Сбивающие с толку „идентичности“ и „аналогии“, одновременно встречающиеся в иронских, греческих, скандинавских и германских преданиях с одной, и в иранских—с другой стороны, относятся именно к этой части. Но значит-ли она, что все эти народы вынесли эту общность из Ирана? И являются-ли они „иранцами по происхождению“?

Подобное утверждение было бы абсурдом, ибо

*) О роли и значении выражения „furd“, или „ford“ речь будет итти ниже.

эти народы никогда не проживали в Иране, если не считать отдельных случаев кратковременного проникновения в Иран греческих и аланских войск с чисто военными целями, как то: период Александра Великого, трехлетнее господство алан над Ираном (при парфянском царстве, закончившееся сбором богатой контрибуции и уходом алан обратно на Сев. Кавказ). К этому разряду можно отнести и греко-бактрийский период, в том смысле, что греки не явились сюда как „народ."

Однако, вопрос раз'ясняется, если мы примем во внимание, что в настоящее время Иран обладает мифами и древнейшей историей, состоящей из основательной смеси до-иранского мифологического материала с позднейшим местным (иранским) материалом. Если бы удалось эти два составных элемента, северный (до-иранский) и южный (иранский), отделить друг от друга, то выяснилось бы, что общность между иронскою (осет.) и иранскою мифологиею относится к до-иранской (принесенной в Иран с севера) части иранской мифологии, в то время как между собственно иранскою (разыгравшейся здесь со дня прихода сюда иранцев) и иронскою мифологиею почти нет никакой связи.

Сказанное все же может не удовлетворить читателя, ибо у того же, ранее цитированного, автора, А. Кубалти, приводится ряд общностей и аналогий между отдельными местами нартовского эпоса и иранским легендарным национальным героем Рустемом. По месту рождения, крови и арене действий, Рустем является родным сыном Ирана, и, если встречаем аналогию в его действиях, с одной стороны, и нартовскими деяниями, с другой, то конечно возникает благодатная почва для предположений о том, что нартовский эпос вынесен иронами из Ирана. Но это может быть только предположением, ибо при более близком ознакомлении с материалами выясняется, что здесь в иранскую хронологию „Рустемиады" вплетены элементы до-иранские, ибо обилие местных, уже иранских, героических имен стерло в памяти народа древние, до-иранские, имена и включило на их место более свежие, а по тому и более громкие — Рустема и плеяды иных героев. Вот откуда происходит приводимая А. Кубалти общность нартовского эпоса с деяниями Рустема и других иранцев.

О правильности сказанного свидетельствует и тот факт, что, как доказывает современная историческая наука, в „Рустемиаде" (часть „Шах-Намэ", главным героем коей является Рустем) Рустему приписаны деяния, совершенные не только лично им, но „всей" династией „Рустемидов", из которой наиболее крупною личностью оказался он сам, остальные же скрылись за его тенью.

Но следующее обстоятельство, подчеркиваемое нами еще раз, более всего убеждает нас в отсутствии общности между собственно иранскою мифологическою историею и иронскою:

Ни один из подлинно иранских героев, как Рустем, так и любой из царей-героев легендарно-исторических династий Тишдадианов и Кейанидов, не говоря уже о позднейших, именами и деяниями коих полны иранские предания, — неизвестен иронской (осет.) мифологии! Не странно-ли, что эти „колонисты Ирана", или, в ином случае, „выходцы из Ирана", сохранив в своей памяти огромный багаж до-иранского мифологического, этнологического, лингвистического и т. д. материала, не сохранили, однако-же, абсолютно никакого воспоминания о своем, якобы, пребывании в самом Иране: ни имена, ни деяние их „иранских" предков, ни чрезвычайно характерные особенности климата этой страны, ни еще более характерные же черты географии страны (смертоносная пустыня Лют (в центре страны!); превышающая своею высотою даже наш Эльбрус и Казбек — гора Демавенд и т. д.), как равно и специальный „ненартовский" состав местной флоры и фауны, — не сохранили ни малейших следов в мифах или исторических воспоминаниях иронов! И это при замечательном богатстве древнейшей, устной, поэзии (мифологической) этого народа!.. Но в то же время сами иранцы сохранили целые томы воспоминаний о своем пребывании на до-иранской своей пра-родине — так трудно забывается, все же, прошлое народа, если оно действительно переживалось им.

* * *

Ироны (осетины) своих западных соседей, адыгейцев, называют „kæsæg" (в plur.) и „kæsgon" (в singul.). Корнем здесь является „kæs", или вернее „kas". Следовательно, первоначально адыгейцы были известны иронам как „kas"-ы, или „kas"-ийцы. И это название адыгейцев является, пожалуй, древнейшим их этническим наименованием, под которым их знали такие аборигены Сев. Кавказа и прилегающих стран, как ироны-аланы. Случайность в возникновении этого наименования мало вероятна, ибо слишком хорошо были известны и сами тогдашние ироно-аланы, чтобы не знали — с кем имеют дело.

Из этого корня „kas", служившего этническим наименованием древних адыгейцев, позднее образовалось — путем добавления весьма распространенного иронского прилагательного окончания „ag" — „kas-ag" = кас-иец. Отсюда, в свою очередь, должна была получится форма „kas—ag—tæ" (plur.), путем добавления окончания существит. множ. числа „tæ", но слишком заметная близость обеих последних форм к иронскому же „kæsag" — рыба, „kæsægtæ" — рыбы и „kæsagon" — рыбный, вынудила иронский язык найти выход из этого затруднения, мешающего ориентировке в речи, путем образования несколько отличающихся форм для наименования адыгейцев: „kæsgon" — кас-иец же, „kæsæg" — кас"-ийцы и „kæsgontæ" (вторая форма от „kas-ийцы"). Постепенная трансформация каждой из этих трех форм происходила, повидимому, следующим порядком:

1. Kæsgon (касиец): kas —> kasag —> kasagon —> kæsgon.
2. Kæsæg (касийца): kas —> (kasagtæ) —> (kasagontæ) —> kæsæg.
3. Kæsgontæ (касийцы): kas —> (kasagtæ) —> (kasagonte) —> kasgontæ.*)

Как бы то ни было, но вопрос — почему ироны

---

*) В научной литературе часто встречалось сообщение, что будто бы ироны называют своих соседей — адыгейцев — „kasog"-ами, „kasox"-ами („kasoch"-ами), „qasax"-ами, „qazax"-ами („qazach"-ами), „kazak"-ами и т. д. Все эти формы ошибочны и неправильны.

называют адыгейцев „kas“-ами, заслуживает, в интересах древнейшей истории адыгейцев, большого внимания. Если же обратиться к помощи исторических указаний, то нельзя пройти мимо одного факта: некогда на территории нынешнего Ирана, в его юго-западной (а еще ранее, возможно, и в иных частях этой страны) гористой части жила народность под именем Касси, Кассу, Касп и т. д. Народность эта отличавшаяся свободолюбием, была современницей государства сумеров, вавилонян и ассирийцев, но в конце концов также исчезла с арены истории, успев все же оставить довольно громкое имя, особенно же после завладения и учреждения кассийской династии в Вавилоне (1760 – 1185 до Р. Хр.).

О происхождении этого народа наука ничего еще определенного не может сказать, но некоторые ученые (M. Dieulafoy, J. de Morgan) полагают, что в этих местностях пребывали народности абисинского происхождения. Во всяком случае утверждают, что этим до-арийским населением Ирана не были семиты, иранцы же заняли эти горные местности позднее. О языке кассов, кассу, или как их иногда еще называют, касситов, ничего точно не выяснено еще.

Все же тот факт, что ироны издревле называют адыгейцев „kas“-ами, как равно и существующее в истории убеждение о приходе адыгейцев на Кавказ именно с юга, а также и нередко встречаемое у различных авторов упоминание об абиссинском происхождении некоторых из адыгейских племен (напр. убыхов),—заставляет отнестись с большим вниманием к этому сходству иронского наименования адыгейцев и древне-иранских (географически) кассов или кассиев, не забывая, что и название Каспийского моря происходит от тех же кассов, или как их еще называли—каспов. Научное подтверждение идентичности „kas“-ов кавкасских и „kas“-ов иранских доказало бы, что фактическими выходцами с иранского плато являются не ироны, а их соседи адыгейцы!

Мимоходом, так сказать, обращает на себя внимание и сходство названия Элам = „горная страна“,—под каковым названием было известно государство другого горного и воинственного народа, жившего почти в той же местности, что и кассы и так же современного сумерийцам, вавилонцам и иным,—с чеченским наименованием горы же—„лам“. К сожалению, язык и этого народа, исчезнувшего с территории Ирана, остался мало выясненным и трудно, поэтому, говорить о родстве эламцев и того третьего этнического элемента, который проник с юга через Кавкасский хребет в Чечню и смешался там с двумя другими элементами (алано-сарматским, основным, и по всей вероятности аваро-дагестанским), повлияв в известной степени на язык („яфетический“ элемент чеченского языка) и антропологию главным образом нагорной Ингушетии. И здесь бы лингвистика могла выяснить вопрос: не является-ли и этот „третий“ элемент... „выходцами из Ирана“?...

Но, конечно, „одна ласточка весны не делает“, а потому без более веских доказательств сказанное является, пока что, только легким предположением, которым, однако, пренебрегать также не следует.

(Окончание следует).

Каверзные вопросы

6 января 1937 года по всему СССР будет проведена всеобщая перепись населения — вторая по счету за время существования советского режима (первая была в 1926 г.). Каждый гражданин должен будет заполнить переписные листы, содержащие 14 вопросов. Среди этих вопросов имеется целый ряд весьма каверзного содержания.

Так например, вопрос третий: „Национальность“. В инструкции для переписываемых граждан, опубликованной советской печатью, вопрос этот снабжается следующим толкованием и руководством (цитируем из „Даг. пр.“ от 26-XII-36):

> „Вы должны ответить, к какой национальности вы себя причисляете: „русский“, „украинец“, „узбек“ и т. д.
>
> Помните, что в СССР, где все национальности равноправны, ваша национальность определяется вами же и притом независимо от того, к какой национальности принадлежали ваши родители“.

Не трудно расшифровать цели, которые преследуются этим, почти „ренановским“, толкованием проблемы национальной принадлежности, находящимся в резком противоречии с толкованием марксистских вождей и в первую очередь с писаниями на эту тему самого „великого и гениального“ Сталина. Советские заправилы, с одной стороны, желают использовать оппортунистические элементы среди нерусских народов и проверить успехи руссификаторской акции, с другой же стороны, создают почву для обширных подтасовок и искажений в духе русского империализма, так как уменьшение, после переписи, количества нерусского населения в СССР всегда можно будет об'яснить добровольным самопричислением части его представителей к русскому народу. Своей инструкцией советское правительство заранее „узаконило“ мошенничество, которое, по примеру прошлых лет, оно собирается провести при переписи.

Такой же характер носит руководство, которым снабжается четвертый вопрос: „Родный язык“.

> „Вы должны указать—читаем в инструкции—язык, который вы сами считаете своим родным (подчеркнуто в инструкции—М. Ч.): „русский“, „казахский“*) и т. д.
>
> Родной язык не всегда совпадает с национальностью; например, у русского по национальности родным языком может быть украинский или какой-нибудь другой язык“.

Характерно это—„у русского по национальности может быть украинский или какой-нибудь другой язык“. Инструкция применяет здесь тактику жуликов: „держи вора!“ В советских условиях возможна, скорее, обратная концепция: „у украинца или какого-нибудь другого „национала“ родным языком может быть русский язык“—т. е. он может не знать или плохо говорить на своем родном языке и, наоборот, хорошо знать русский язык. Инструкция всем подобного рода господам, а также и счетчикам,

*) Не путать с „казачьим языком“; инструкция имеет в виду киргизов.

„осторожно“ дает понять, как они должны поступать при переписи.

Пятый вопрос: „Религия“. По этому поводу инструкция гласит:

„Помните, что здесь идет речь не о вероисповедании, к которому вы или ваши родители причислялись в прежнее время, а о ваших религиозных взглядах в настоящее время (подчеркнуто здесь и далее в инструкции — М. Ч.).

Если вы в настоящее время считаете себя неверующим, вы должны ответить „неверующий.“ Если вы считаете себя в настоящее время верующим, вы должны указать, какой религии вы придерживаетесь: „православный“, „магометанин“, „католик“ и т. д.“

Не трудно предугадать, что в условиях большевистской „свободы совести“ авторы инструкции обеспечены 100%-ми успеха. Едва-ли найдется много смельчаков, которые открыто, в анкете, признают свою принадлежность к той или иной религии, обрекая себя этим на неминуемые репрессии и преследования. В результате, почти все население СССР может оказаться „безбожным“, хотя все говорит за то, что религиозное чувство населения не только не ослабевает, но, наоборот, усиливается. Красноречивое свидетельство этому дает „С.-К. больш.“ от 17-XII-1936 г., сообщающий, что на Северном Кавказе, в недавно минувший Рамазан-месяц, уразу (пост) держало не только большинство взрослого населения, но и дети школьного возраста, которые по шариату освобождаются от обязательного поста. Требования религии выполнялись при этом и многими коммунистами. По переписи же, вероятно, как эти коммунисты, так и многие другие окажутся в числе „неверующих.“ А это и требовалось доказать!

Характерны также вопросы шестой и седьмой: „Состоите ли вы в браке?“ и „Гражданин какого государства?.“

В первом случае инструкция поучает следующим образом:

„Отвечайте „да“ или „нет.“ Помните, что советские законы не делают различия между браком незарегистрированным и зарегистрированным.“ (Подчеркнуто нами — М. Ч.)

Во втором же случае говорится:

„Этот вопрос ставится для того, чтобы выяснить, сколько граждан других государств живет в СССР. Граждане СССР отвечают «советский гражданин».“

В последнем случае для „частной инициативы“—нет места. В отношении гражданства личные чувства переписываемых не принимаются во внимание, хотя в вопросе национ. принадлежности, религии и языка мы видим обратное. При определении гражданства марксимз предусмотрительно отрешился от принципов „национальной терпимости“ и твердо стоит на позициях советского унитаризма, где безраздельно господствует русское начало.

Нет места личным чувствам и в последнем, четырнадцатом вопросе: К какой общественной группе принадлежит?

Поучение в этом случае гласит:

„Вы должны указать ту общественную группу, к которой принадлежите в соответствии с вашим занятием.*)

Ваши иждивенцы принадлежат к той же группе, к которой принадлежите и вы сами.“ (Подчеркнуто нами — М. Ч.).

Толкование это, как видим, свидетельствует о тенденциях стабилизации того бесправного положения, в котором пребывают в СССР и сейчас, несмотря на наличие „самой демократической конституции“, миллионные массы членов семейств „лишенцев“ всякого рода — „служителей культа“, „раскулаченных“, „подкулачников“ и прочих „нетрудящихся элементов.“ Крылатое слово „великого“ Сталина о том, что „сын не отвечает за отца“, оказалось, таким образом, одним из очередных советских блефов.

Таковы наиболее характерные вопросы переписного листа, свидетельствующие о том, что перепись 1937 года стремится определить прежде всего моменты политические, тогда как перепись 1926 года была проведена под знаком моментов хозяйственно-экономических и демографических.

Это различие является еще одним показателем напряженности положения в СССР.

М. Ч.

*) Немного выше инструкция перечисляет эти общественные группы в следующем порядке: „рабочих, служащих, колхозников, кустарей, людей свободных профессий или служителей культа и нетрудящихся элементов.“

Знаменательный документ

Издательство Академии наук СССР опубликовало на днях первую часть архивных документов о „Колониальной политике российского царизма в Азербайджане“. Документы охватывают период 1820 — 60 г.г. и были извлечены из архивов Ленинграда и Москвы. Среди них находится интересный доклад тогдашнего кавказского наместника кн. М. С. Воронцова, пересланный Николаю I 12 апреля 1845 года. В докладе говорится о провокационной работе, которую вел русский наместник среди приближенных Имама Шамиля.

„Перед от'ездом моим из С.-Петербурга — пишет Воронцов царю — я имел счастие словесно просить у вашего и. в. с высочайшем соизволении, чтобы я мог войти в секретные сношения с бывшим елисуйским султаном и обещанием всемилостивейшего прощения вывести его из теперешнего его положения и тем уменьшить неприятельские против нас силы, ибо Даниэль-султан по рождению своему, личной храбрости и по предприимчивому характеру пользуется большим доверием в горах и особливо имеет сильное влияние на разные племена в Южном Дагестане. Ваше и. в., справедливо заметив, что измена Даниэль-султана была гнусная и ничем не оправдывалась, изволили однако мне предоставить войти в такое сношение, особливо, если

я найду, что были с нашей стороны в последние времена какие-либо меры, которые более или менее могли дать ему в его понятиях предлог к его поступку, но что во всяком случае его нельзя будет оставить в Елису и даже в самой Грузии и нужно будет отправить его за Кавкассую линию в какой-либо внутренний город империи с приличным содержанием. Вследствии сего я занимался здесь секретным исследованием, могли ли быть какие-либо причины с нашей стороны, которые бы побудили сего храброго, но вспыльчивого азиатца к гнусному его поступку. Настоящих обид никаких ему не было сделано, но, конечно, назначение его при преобразовании сего края в его собственных владениях участковым заседателем, что, впрочем, было отменено при проезде г. военного мин-ра, и некоторые другие мелкие обстоятельства были ему неприятны. Не нужно мне теперь по сему распространяться и не нужно мне было решиться, начать или нет с ним переговоры, ибо он сам теперь нам дал к тому повод, как то ваше и. в. усмотреть изволите из отношения моего к г. военному мин-ру*). Может быть, предложение его не чистосердечно и не будет иметь никакого результата; по крайней мере, я считаю выгодным для нас, что не мы начали сию с ним негоциацию и не мы первые просили его образумиться и просить за поступок свой прощение. Что же касается до ответа, посланного мною через генерал-майора кн. Бебутова, то условия, мною предлагаемые Даниэль-султану, суть те, о которых я имел счастие докладывать вашему и. в. Повторяю, что я не много считаю на успех сего дела, но вместе с тем смею уверить ваше и. в., что если он точно имеет это намерение и согласится на предложенные ему условия, то переход его к нам и оставление им Шамиля не может не иметь для нас самые благоприятные влияния и последствия, а согласие наше на его просьбу не может показаться никаким послаблением, как скоро при прощении он все таки удаляется, хотя на время, во внутрь России. Отсылка в Россию для здешних народов всегда кажется им мерою самою строгою, и хотя Даниэль-султан и будет по милости вашего и. в. назначен для пребывания в который-либо из не слишком отдаленных городов при личной свободе и с содержанием, как я смею полагать, от 4 тыс. до 5 тыс. руб. сер. в год, здесь он все будет почитаться изгнанником, и в понятиях здешних народов удаление в Россию смешивается с ссылкою в Сибирь. В военном же отношении удаление Даниэль-султана от неприязненных нам сборищ было бы для нас обстоятельством весьма важным. Оно потрясет, быть может, и других, менее против нас виновных, в верности к Шамилю и мюридизму и ослабит неприятельские силы. Многие здесь думают, что если бы что случилось с Шамилем, то Даниэль-султан сделался бы начальником всех неприязненных нам племен, и в некоторых огношениях был бы для нас еще опаснее. Не знаю, до какой степени мнение сие может быть справедливо, но я совершенно уверен, что переход к нам Даниэль-султана будет для Шамиля и мюридизма в теперешних обстоятельствах весьма важная потеря.

Представляя все сие на благоуважение вашего и. в., долгом считаю прибавить в заключение, что мы, кроме того, входим в сношения с Хаджи-Муратом письмом, писанным весьма верным человеком из конвоя вашего и. в., а теперь находящимся здесь и бывшим в службе и доверенности у Ахмет-хана мехтулинского. Ген. Шварц открывает теперь сношения в том же виде с известным Кибит-Магома и имеет некоторую надежду найти в нем расположение с нами мириться, а генерал-майору кн. Бебутову приказано сделать предложение Джемал-Черкеевскому и некоторым другим.

Весьма может статься, что все сии сношения не будут успешны, но счел непременным долгом войти в оные, и, зная волю вашего и. в., не буду жалеть денежных средств для ослабления как материальных, так и моральных сил нашего главного неприятеля.

Ген.-ад'ютант Воронцов.

*) „Отношение" это в сборнике не приводится.

Это послание удостоилось следующей резолюции Николая I:

Хорошо, ежели удастся, но не надеюсь; во всяком случае, елисуйский Даниэль-бек убийца и изменник, потому все, что можно для него сделать, есть то, что гр. Воронцов полагает, но отнють не принятие его вновь в службу. (Подчеркнуто всюду царем).

Весь этот лукавый план Воронцову (недаром Шамиль назвал его „хитрой лисой"—мнение, всецело подтвержденное затем Л. Толстым в „Хаджи-Мурате") удалось реализировать лишь в отношении Хаджи-Мурата, хотя и в этом случае некоторым считают, что переход Хаджи-Мурата к русским был совершен с согласия Шамиля. В общем же, доклад Воронцова является еще одним свидетельством гения Имама Шамиля, который в течении 25 лет смог преодолевать не только силу русского оружия, но и силу обильно расточаемого русскими золота. В неменьшей степени свидетельствует он и о неизменности метод, применяемых русским империализмом всех оттенков. И сейчас, как мы знаем, подкуп и провокация являются надежнейшим оружием в арсенале этого империализма.

К. Г.

Протест Лиги „Прометей"

В связи с утверждением проэкта новой советской конституции Лига „Прометей", об'единяющая представителей угнетаемых Россией народов, опубликовала нижеследующий протест:

„Мы, представители угнетаемых в СССР народов Азербайджана, Дона, Грузии, Идел-Урала, Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Северного Кавказа,

Туркестана и Украины, об'единенные в Лиге „Прометей", постоянно протестуя против руссификации в СССР языков наших народов, против руссификации их искусства и культуры, протестуем ныне против очередной попытки СССР обмануть весь мир, путем утверждения проэкта новой советской конституции. Мы протестуем против попытки убедить мир, что СССР дает защиту отдельным народам, представленным в „Прометее", предоставляет им автономию и охраняет суверенность их государств, присоединенных к СССР путем вооруженной оккупации.

Протестуем против полного игнорирования национальных прав трех наших народов: Дона, Ингрии и Кубани.

Протестуем против обмана мирового общественного мнения, проводимого путем предоставления фиктивной автономии Карелии, в то время как настоящие карельские финны варварски выселяются в Сибирь, а территория их заселяется русскими.

Протестуем против искуственной и противоестественной парцеляции территорий наших народов: Идел-Урала, Коми, Северного Кавказа и Туркестана, проводимой путем дробления этих территорий на, якобы, отдельные государственные единицы.

Протестуем против полного попрания суверенности государств наших народов, которые согласно конституции СССР не имеют ни собственной территории, которая принадлежит СССР, ни собственного населения, которое состоит из граждан СССР, ни собственной государственной власти, так как власть отдельных республик ограничена в пользу Москвы во всех отраслях не только фактически, но и юридически.

Протестуем против низведения государств наших народов до положения обыкновенных административных единиц.

Протестуем против низведения наших народов до положения бесправных, закрепощенных этнических групп.

Протестуем против открытой насильственной денационализации наших народов в СССР. Протестуем против насильственному порабощению наших народов, которые никогда не давали своего согласия на присоединение к СССР".

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERİ — ВЕСТИ С КАВКАЗА

RUSLAŞTIRMA İŞİ KUVVETLENİYOR

Kabarda-Balkar muh. vilayetinde tatbik edilen alfabeleri ruslaştırma işi yavaş-yavaş Şimalî Kafkasya'nın başka mıntakalarına da yol bulmaktadır.

Bir müddet evvel Çerkes muhtar eyaleti Kom. Partisinin vilayet komitesi bürosu (komite kâtibi Kazaçkof) çerkes yazısının (Sovyet matbuatının yaygarasına ragmen, adige yazısının daha birleştirilemedigi anlaşılıyor) latinceden rus esasına geçmesi kararını kabul etmiştir. Yeni alfabenin eskideki 46 harf yerine şimdi 32 harfi olacaktır.

Bu vaziyet yeni islahatın mahiyetini açıkca göstermektedir. O da şudur: rus olmıyan dillerin fonetikini zorla rus dili fonetikine uydurmak. Ses hususunda dili sakatlaşmış milletleri (şunu da ilave etmek lazımdır ki, yalnız fonetik değil, luğat, gramer şekilleri v. s. de sakatlaşıyor. Bu hususta mecmuamızda müteaddid defalar yazılmıştır) Stalinin „bütün millî kültürleri tek dilli tek bir kültür haline getirmekten" ibaret olan birleştirme ameliyesine tâbi kılmak daha kolaydır.

İNGUŞİSTAN MÜZESİNDE

I. Lutsenko nam birisinın bu başlık altında „Oset. Pravda" gazetesinde şu yazısı derc edilmiştir (21.VII.1936):

> „Bu, büyük kültürel ehemmiyeti haiz bir müessesedir. Şayani dikkat ve nadir bir çok eksponatlar vardır. Müzenin 4 salonu iyice tanzim edilmiş malzeme ile dolmuştur. Arziyata aid nadir şeyler, muhtelif arziyat devirlerine aid hayvanat ve nebatat dünyasının mümessilleri, bugünkü İnguşistan'ın hayvan ve nebatı müze salonlarında oldukca bol ve mühim bir yer tutmaktadır.
>
> İşte, inguş milletinin ta kadim zamanlardan bu güne kardarki maddî, manevî kültürüne aid malzemenin bulunduğu salon. Ortadan kalkmış ve maziye karışmış bulunan ziraat aletleri insanda air çok fikirler uyandırmaktadır. Aceba fakir inguş kadını bütün hayati müddetince feodalların atı için topladığı samanı hep bu aletlerle toplamamışmidi? Fakir inguş köylüsü sahibinin erazisini hep bu ağır „sapanla" işlememişmidi?
>
> Kadim mezarların maketi de gayet iyi yapılmıştır. Bu mezarlarda defnedilmiş cesedler iyice muhafaza edilmiştir. Mezarlardan, silâh, ev eşyası gibi şeyler çalınmış ve bu suretle ilim için kaybolmuştur. Fakat müzenin eline geçen kısmı da çok kıymetlidir.
>
> Müzede nevi kendine mahsus bir tane maske vardır. Bu maske de Tuşoli nam mahsul ilahesine aid olub madenîdir (yarım maske) ve prof. Yakovlef heyeti tarafından Kok köyünde bulunmuştur.
>
> Mezarlarda bulunan baş giyimleri de şayani dikkattır.
>
> Müzede, XIX asırda yaşamış ve Masa dağı mıntakasında kurban merasimini idare etmiş kâhinin de bir fotografı vardır. Âdi kireçten yapılmış abide dahi dikkate deger mahiyettedir. Çocuğu olmıyan kadınlar bu abide önünde secdeye gelerek kısırlıktan kurtulmalarını dilerlermiş.
>
> Müze, şimdiki halde yeni bir salonun tesis ve tertibile uğraşmaktadır. Bu salon İnguşistan'da aile ve feodalizm kuruluşuna tahsis edilecektir. Bundan başka „Sosyalistce kuruluş" maketinin dahi tesbitine girişilmiştir. „Steklotar" fabrikası, inguş nişasta fabrikasi v. digerleri kendi maketlerini vermişlerdir. Salonların resim ciheti ressam Daurbek ve Ahriyev tarafından yapılacaktir. Şunu da kaydedelim ki, ressam Daurbek müzeye şimdiye kadar bir kaç eser vermiştir. Bunlar içerisinde en iyisi „Terek cumhuriyeti harbî komiseri Butirin'in defin merasimi" tablosudur. Tabloda Sergo Orconikidze ve inguş kızıl partizanları Butirin'in mezari başında gözükmektedirler.
>
> Müzeye yıl başından bu güne kadar 4—5 bin seyirçi gelmiştir. Müteşekkil gruplara müze direktörü muavini lektor Konfştal izahat vermektedir".

Bu yazıda „bütün hayatı müddetince feodalın atı için saman topliyan" fakır inguş kadınından bahsedilişi ayni zamanda müzede „İnguşistan'da feodalizm" i gösterir bir salon tertibine başlandığı haberi karakteristik bir cihettir. Çünkü böyle bir kanaat ve niyet, âdi sovyt propagandą ve yalanından başka bir şey değildir. Zira, feodalizm ve mümtaz aile taksimatı İnguşistanın mechuludur.

ЗЕРНО ГНИЕТ В СОВЕТСКИХ СКЛАДАХ

„Сев.-Кавк. б." от 28-XII-36 пишет:

В Хасав-Юртовской межрайонной конторе Заготзерно существует безобразное, антигосударственное отношение

к хранению зерна. На пункте Заготзерно погибло большое количество кукурузы.

Трудно себе представить более возмутительную картину. Весь двор завален кочанами кукурузы, тонет в сплошном болоте грязи. Дожди поливают ее сверху. Прямо по грудам кочанов проезжают подводы. Непрерывно прибывают все новые возы кукурузы, и она сваливается в грязь. Стаи гусей и кур, свиньи бродят и уничтожают тут же государственное добро.

И все это, как ни странно, происходит на глазах у работников конторы и местных районных организаций.

Нечего говорить, как велико возмущение приезжающих сюда колхозников и единоличников. Тем более, что никакие увещевания на местных заправил не действуют. Преступное обращение с государственным добром, безразличное отношение к хранению хлеба здесь, очевидно, вошли в привычку. Недавно, например, в селении Аксай (колхоз им. Евдокимова) ухитрились погубить около 5 тысяч пудов пшеницы."

Так гибнут миллионы пудов зерна, насильственно отбираемого властью у закрепощенных сельчан.

В СОВЕТСКИХ МАГАЗИНАХ НЕТ ПРОДУКТОВ И ДАЖЕ ОБЕРТОЧНОЙ БУМАГИ

Та-же газета приводит следующую „бытовую" картину из жизни краевого центра „Северо-Кавказского края" гор. Псыхуабе:

„Как ни странно, но когда вы хотите купит что-нибудь в бакалейном магазине № 3 Курортснабторга (директор Кувалдин), захватите с собой на всякий случай побольше бумаги.

Приходят, например, покупатели в этот магазин и спрашивают конфекты, печенье, сахарный песок. Продавец бакалейного отделения в свою очередь задает вопрос:

— А бумага у вас есть?

Покупатели в недоумении:

— Какая бумага?

— Видите ли, без вашей бумаги товар не можем отпустить.

Такую сценку можно было наблюдать в магазине утром 23 декабря. Гражданин Б. просит отпустить ему полкило сахара.

— Если у вас нет бумаги, сахар отпустить не можем, — заявляет продавец.

Граждании Б. стоит, пораженный этим заявлением. Наконец, продавец находит выход из положения.

— А карманы у вас целы? Сыпьте сахар в карман.

Пришлось согласиться с „мудрым" советом продавца из боязни, что и в других магазинах тоже „бумажный кризис"...

В гастрономическом отделении этого же магазина продавец оказался более предприимчивым. Припрятав небольшую пачку бумаги для обертки колбасы, он таинственно показывает ее гр. Б.

— Колбасу без бумаги отпускать совсем неудобно, вот я и сохранил ее немного.

Удивительные порядки в бакалейном магазине № 3 Курортснабторга!"

* * *

Еще более безнадежную картину рисует „Даг. правда" от 21-XII 36:

„В редакцию ежедневно продолжают поступать со всех концов Дагестана многочисленные письма трудящихся, говорящие об отсутствии во многих магазинах и ларьках товаров даже первой необходимости, о фактах грубого обращения с покупателями, обвешивании, обсчитывании и т. д.

Так селькор Шахбукаев из Рутульского района пишет:

„В рутульском сельпо совершенно отсутсвуют какие либо товары, необходимые для горцев. Четыре месяца нег керосина, соли. Но зато есть в сельпо большое количество кондитерских изделий, которые лежат мертвым капиталом".

Тов. Герасюта из Кумторкала сообщает, что из-за неповоротливости торгующих организаций жителям Кумторкала и района приходится ездить за керосином... в Махач-Кала, затрачивая на это и время и деньги.

— Ежедневно, чуть свет, в Каясуле начинаются „спортивные состязания". Каждый рабочий или служащий старается скорее прибежать к столовой сельпо, чтобы занять очередь за хлебом. Опоздавшим грозит остаться на целый день без хлеба, так как кооператоры не проявляют никакой инициативы, чтобы удовлетворить полностью потребности потребителей в хлебе. В очередях всегда давка, ругань, споры с продавцом, потому что он отпускает хлеб в ограниченном количестве—пишет т. Павловская М. А.

В магазинах Каясулы бывает иногда мануфактура, продолжает т. Павловская, но ее не показывают покупателям, а растаскивают сами торговые работники из склада.

Тов. Аббасов К. А. пишет, что трудящиеся гор. Дербента уже месяц, как в магазинах Торга не могут купить 85 и 75-процентной муки. В последние дни нет в магазинах также сахара рафинада.

Нечем похвалиться и махач-калинским торгующим организациям. Об очередях, грубом обращении с покупателями, фактах обвешивания пишут многие трудящиеся гор. Махач-Кала.

В магазине № 31 Дагторга, по Комсомольской улице, продуктовые товары,—крупа, мука, и т. д.—отпускаются без бумаги. Продавцы требуют бумагу от покупателей, иначе отказываются отпускать товар, — пишет нам рабкор.

Для того, чтобы купить что либо в магазине Торга, находящемся в Красном городке, нужно простоять в очереди минимум час. Работники прилавка здесь грубы с покупателями, работают медленно. В магазине нет бумаги для того, чтобы завернуть проданный товар. „Вот я, например, пишет потребитель, простоял около часа в очереди за сахаром, но так как не оказалось бумаги, мне пришлось вернуться без покупки".

Вообразим теперь себе, что Советская Россия находится в состоянии войны и война затягивается так, как затянулась минувшая мировая война. Если неустройство, при изобилии материальных средств, привело царизм к революции на третьем году войны, то в какой срок грозит революция советскому режиму, ненавидимому постоянно голодающими массами и испытывающему и сейчас во многих отраслях хроническую разруху?! Необходимо учесть при этом и высокое национальное сознание угнетаемых народов.

Нам кажется, что все те, кто возлагает свои надежды (и опасения) на мощь СССР, должны прежде всего учитывать этот момент, а не количество аэропланов советской авиации и число дивизий красной армии.

РЕДКИЕ КНИГИ В ГРУЗИИ

„З. В." в номере от 20-XI-36 помещает следующую заметку:

„Государственная публичнал библиотека Грузии обладает очень редкими книгами XVI и XVII веков, представляющими собою большую библиографическую ценность. Среди этих книг в первую очередь следует отметить:

„Relatione della Colchide" — знаменитое описание Мингрелии, составленное католическим миссионером Ламберти в середине XVII в., напечатанное в Неаполе в 1654 г. на итальянском языке.

„Journal du voyage de chevalier Chardin" — первое издание известного описания путешествия Шардена, бывшего в Грузии в 70 годах XVII века, издание вышло в Лондоне в 1686 г.

„Voyages en divers etats d'Europe et d'Asie" — первое издание путешествия иезуита Авриля Филиппа, бывшего, между прочим, в Грузия в 1686 г. Издано в Париже в 1692 году.

„Syntagmaton linguarum orientalium" — второе издание первой грузинской грамматики Ф. М. Маджио. Напечатано в Риме в 1670 году.

„The Obstructours of justice" — представляющая исключительную библиографическую редкость английская книга Джона Гудвина, изданная в Лондоне в са-

мый разгар английской революции в 1649 году по поводу казни короля, — экземпляры этой книги в эпоху реставрации Стюартов были сожжены.

„Del governo dei regni et delle republiche" — самая древняя в библиотеке книга, изданная в Венеции в 1561 г., — посвящена она описанию государственного управления в разных странах.

„Le faux Pierre III" — полуромантическое описание жизни Емельяна Пугачева, изданное на французском языке в Лондоне в год его казни — в 1775 году.

ГРУЗИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

„З. В." сообщает, что на днях вышла из печати книга проф. Г. Чубинишвили, посвященная вопросам грузинской архитектуры. В основу книги, пишет газета, положены исследования, которые в течении 20 лет систематически ведет автор.

Рассматривая ряд памятников, автор приходит к заключению, что первые грузинские храмы, созданные в первый период распространения в Грузии христианства, представляют собой не настоящие христианские храмы, а совершенно новую форму храма, созданную под влиянием ранее существующей культуры зодчества. Зодчество IV и V веков уже имеет свои крепкие традиции в строительстве каменных построек, оно знает цилиндрические и сводчатые арки, колонны и т. д.

На фактическом материале автор доказывает, что грузинское зодчество не является занесенным извне, а самобытным, подлинно народным, создававшимся на определенных социально-бытовых и историко-экономических основах.

Прекрасно разработана, пишет далее „З. В.", глава о памятниках последней половины VI века (Гавази, Шио-Мгвиме, Нино-цминда и т. д.). Этот период является подготовительным периодом, после которого начинается расцвет древнегрузинского искусства.

Период этот характеризуется необычным многообразием построек. Художественные композиции отличаются величавостью, широко используются скульптура, живопись, мозаика (Малый храм—Мцхетис-джвари, Мартвили, Цроми).

Подробно описан проф. Чубинишвили храм „Мцхетис-джвари", известный под названием „Мцыри". Этот храм является одним из краеугольных камней развития искусства. На основе подробного анализа местоположения, истории, плана внешней формы, фасонов, декоративной системы и т. д. автор выделяет среди построек этого периода строения типа „Мцхетис-джвари". Созданный в результате вековых традиций художественной культуры, храм этот стал примером подражания и был взят за основу дальнейшей эволюции зодчества. Красота форм и общая мощная гармония ставят этот памятник в ряд лучших творений мировой архитектуры.

Подробно описаны также строения типа „Мцхетис-джвари" (Мартвили-Атени) и его вариации, а также второй этап периода расцвета древнегрузинского искусства. Основным памятником этого этапа является Цромский храм, в котором нашли свое выражение новые зодческие и декоративные принципы.

В труде проф. Чубинишвили, заканчивает „З. В.", показана также роль скульптуры и живописи в архитектуре древнего периода.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Академия истории материальной культуры имени Марра наметила на 1937 год проведение в Дагестане и Чечено-Ингушетии большой археологической экспедиции, в которой должны принять участие местные краеведы и работники научно-исследовательских учреждений. В Дагестане экспедиция займется исследованием проблемы хазарского хаканства, первые сведения о коем в византийских источниках относятся к 626 году христианской эры. Столица хаканства, Семендер-Белинджар, находилась недалеко от теперешнего аула Тарки. Затем, в связи с натиском арабов, столица была перенесена в низовья Волги. Экспедиция намерена вскрыть древние курганы в окрестностях Дербента, Кумторкала, Эндери и около Тарки.

— Советская власть упорно не желает перевести „Музей горских народов Северного Кавказа" в один из городов, лежащих в пределах какой либо из „горских автономий". До сих пор музей находился в Ростове. Ныне же музей переведен в Шет-Кала (Ворошиловск—Ставрополь), где присоединен к местному краеведческому музею. Всего перевезено 5 вагонов экспонатов и много картин.

— В Цхинвале, в Южной Осетии, организована областная хореографическая студия. В студии будут изучаться как старинные танцы (симд, зилга, чепена, нарти-кафт, фиаути-кафт), так и „современные колхозные танцы." В прежнее время национальные танцы прекрасно танцовались всеми и без „хореографических студий." Видимо, такие студии нужны для изучения „современных колхозных танцов."

— Наркомтяжпром утвердил технический проэкт реконструкции чиатурской марганцевой промышленности. В основу реконструкции положена постройка трех новых обогатительных фабрик, одна из которых рассчитана на обогащение 430 тонн руды в год, другая будет давать в год 100 тысяч тонн марганцевого концентрата, а третья—65 тысяч тонн пероксида. Реконструкция предусматривает резкое усиление механизации добычи руды. В результате реконструкции — добавляет к сообщению „Заря Востока" — мощность предприятий Чиатурского марганцевого треста должна почти удвоиться.

— 28 декабря умер Лакоба, председатель ЦИК Абхасской АССР.

— ЦК ВКП (б) постановил, что с 1 февраля 1937 года партийные билеты образца 1926 года и кандидатские карточки старого образца являются недействительными. Члены и кандидаты партии, не обменявшие к этому времени старых партийных документов на новые, будут считаться механически выбывшими из партии. Это — новая форма „чистки" партийных рядов.

— Дагобком ВКП (б) в специальном постановлении признал слабую работу комсомольских организаций среди местного студенчества.

— В Тифлисе обнаружены новые материалы из архива Мирза Фет-Али Ахунд-Задэ, находившиеся у внука азербайджанского писателя и мыслителя — Фет-Али Ахунд-Задэ. Среди материалов, по сообщении „Бак. раб.", много интересных данных не только о творчестве Мирза Фет-Али, но и других крупных поэтов и писателей Азербайджана, как Вакиф, Касим-бек Закир, Мирза-Джан Мадад-Задэ, Ашуг-Пери, Мамед-бек Карабаги, Видади и т. д.

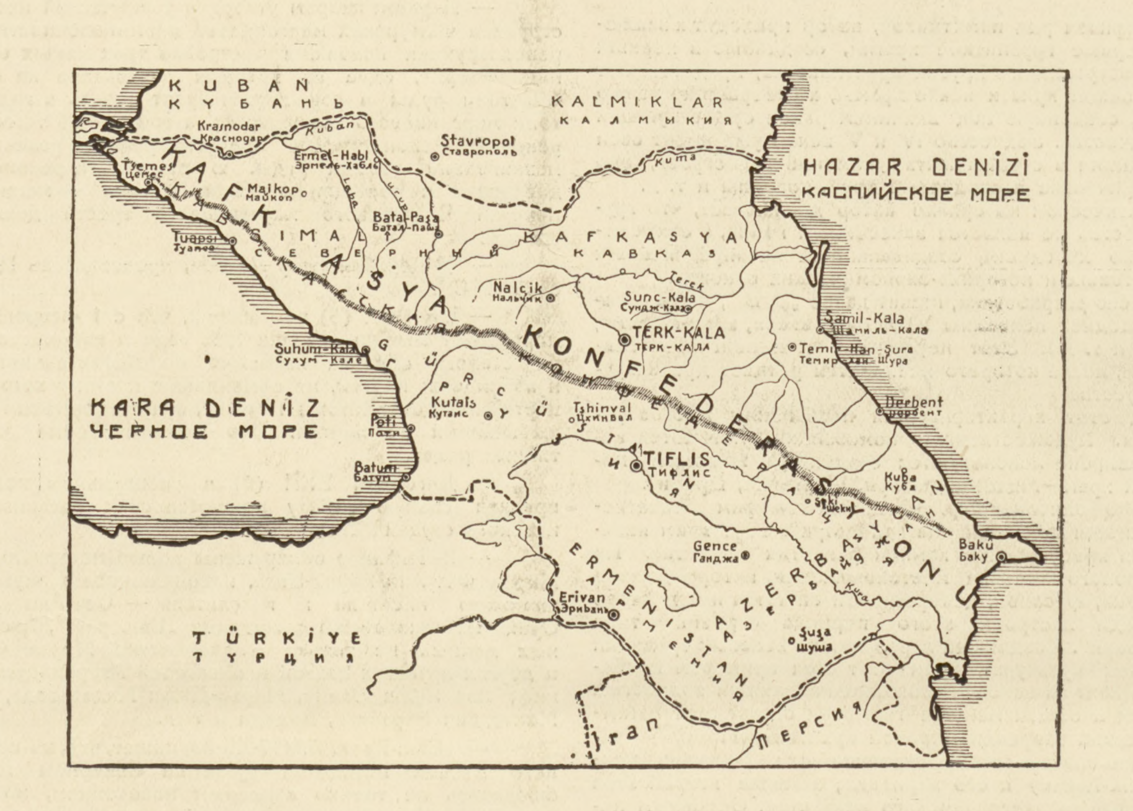
— „Сев.-Кавк. б."(17-XII-36) пишет, что, во время последнего месяца Рамазана, ураза на Северном Кавказе соблюдалась не только взрослым населением, но и многими детьми, посещающими советские школы. Лица, которые по тем или иным причинам не могли держать уразу, добровольно обложили себя „уразительным налогом", как пишет газета, который вносился имамам мечетей в виде определенной денежной суммы. Деньги эти предназначались в большинстве случаев на постройку новых мечетей — как это, например, имело место в аулах Гюнделен, Карагач и др.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Г-н В. Атабегишвили сообщает нам, что он уже не представляет г-на В. Кавтарадзе и, не имея у себя экземпляров его книги „На путях к Конфедерации Кавказа", ставит об этом в известность читателей журнала, которые пожелают приобрести при его помощи указанную книгу.

Mektub ve yazıların mecmua müdürünün yeni adresine gönderilmesi rica olunur.

Просим переписку направлять по новому адресу редактора.

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — **Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН**

Müdürün adresi — Włodarzewska 26 m. 6a, Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала